

ЮЛИАН СЕМЕНОВ

**ПРИКАЗАНО
ВЫЖИТЬ**

Штирлиц

Юлиан Семенов

Приказано выжить

«ЭКСМО»

1983

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Семенов Ю. С.

Приказано выжить / Ю. С. Семенов — «ЭКСМО»,
1983 — (Штирлиц)

Март 1945 года. Дни Третьего рейха сочтены. Советский разведчик Исаев-Штирлиц по распоряжению Центра возвращается в Берлин. Но теперь все изменилось, шеф гестапо Мюллер обладает неопровержимыми доказательствами того, что Штирлиц работает на Москву. Начинается последняя игра: «красный» должен быть перевербован.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Семенов Ю. С., 1983
© ЭКСМО, 1983

Содержание

Начало последней игры	7
«Но все-таки, каков смысл? Зачем?»	12
«Да, именно так – я действительно вас подозреваю...»	17
Информация к размышлению – I (ОДЕССа[3])	23
Душное ощущение кольца	28
Вот как умеет работать гестапо! – I	39
Опоры будущего реванша	45
Бедные, бедные женщины... – I	50
Необходимость, как правило, жестока	55
Информация к размышлению – II (ОСС)	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Юлиан Семенов

Приказано выжить

© Семенов Ю.С., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ЮЛИАН СЕМЕНОВ

ПРИКАЗАНО
ВЫЖИТЬ

МОСКВА 2021

Начало последней игры

– Поедем в «Майбах-3», – сказал Мюллер шоферу. – И, пожалуйста, побыстрее, Ганс.

«Майбах-3» был кодовым обозначением здания, где в Потсдаме размещалось разведуправление «Иностранные армии Востока» генерального штаба рейха во главе с Геленом; здесь же, в сосновом лесу, дислоцировались ставки фельдмаршала Кейтеля, начальника штаба Гудериана, оперативное управление генерала Хойзингера и мозговой трест вермахта – аппарат генерал-полковника Йодля¹.

Мюллер сидел на заднем сиденье. Ганс возил его последние три года, был предан, как пес. Особенно любил сына группенфюрера, Фрица; несмотря на запрет отца, подвозил мальчика из школы домой; ежемесячно отправлялся к себе в деревню и привозил оттуда с фермы отца отборные, истинно деревенские окорока для Мюллера.

... Два месяца назад на прием к группенфюреру записался начальник районного отделения гестапо, которое *вело* школу, где учился Фриц, и положил на стол рапорт осведомителя, внедренного в учительский коллектив, о том, что Фриц, сломав карманную расческу, сунул ее под нос, смахнул челку на лоб и, став похожим на американского ублюдка Чаплина, изображавшего фюрера в клеветническом фильме «Диктатор», начал выкрикивать голосом Гитлера святыне для любого национал-социалиста лозунги: «Каждый немец имеет право на землю!», «Каждый ариец будет обеспечен работой!», «Каждый подданный великой римской империи германской нации – самый счастливый человек в мире и готов защищать свою свободу до последней капли крови!». Однако Фриц Мюллер ко всем этим святым лозунгам сделал комментарии: к первому – «в количестве одного метра на кладбище!», ко второму – «в лучшем концлагере!», к третьему – «а если откажется, то мы его быстренько повесим на столбе!».

Начальник районного отделения был молодым еще человеком, не до конца искушенным в законах *общения*, принятых ныне в Германии. Поэтому он наивно решил, что информация, напечатанная в одном экземпляре (он подчеркнул это в самом начале своего доклада), не может не помочь ему в стремительном продвижении вверх по служебной лестнице.

– Спасибо, дружище, – сказал Мюллер, почувствовав, как похолодели кончики пальцев и *прижало* в солнечном сплетении. – Вы поступили как настоящий товарищ по партии... Другой бы решил – из уважения ко мне – убрать осведомителя, а рапорт его сжечь, все шито-крыто, концы в воду... Но ведь это значило бы загнать болезнь вовнутрь; неизвестно, что выкинет молодой сукин сын, разбаловавшийся в доме отца, отдающего все свое время нашему с вами национальному делу... Наша религия: правда, только правда, ничего, кроме правды, когда речь идет об отношениях между людьми братства СС... Я назначаю вас заместителем начальника гестапо Кенигсберга, поздравляю с внеочередным званием и благодарностью в приказе СС обергруппенфюрера Кальтенбруннера...

– Хайль Гитлер!

– Хайль Гитлер, дружище, хайль Гитлер... И попрошу вас об одном – в данном случае чисто по-дружески...

– К вашим услугам, группенфюрер!

Мюллер усмехнулся:

– Ну, это понятно... Не будь вы «к моим услугам», небось ложились бы спать в страхе... А вам снятся хорошие сны; наверняка часто видите птиц – бьюсь об заклад, лебедей над тихим осенним озером в Баварии.

¹ Через полтора года Кейтель и Йодль будут повешены по приговору Нюрнбергского трибунала; через пять лет генерал фюрера Хойзингер станет командующим силами НАТО в Западной Европе; генерал Гелен будет назначен начальником разведки Федеративной Республики Германии, а Гудериан – главным военным теоретиком бундесвера (*здесь и далее прим. авт.*).

– Что-то лебедей я не помню, группенфюрер... Вообще я плохо запоминаю сны. Когда просыпаюсь, в памяти держится что-то радостное, но потом наваливаются заботы дня, и я совершенно забываю ночные сновидения...

– Дневных сновидений не бывает, – заметил Мюллер. – Дневная дрема – от сытости, а на полный желудок видятся кошмары... Так вот, пожалуйста, сделайте *сегодня же* так, чтобы мерзавец Фриц был вызван в районное управление фольксштурма и отправлен на Восточный фронт. Я не желаю более видеть его у себя в доме, ясно? Я никому не прощаю бестактности в адрес великого фюрера германской нации, творца всех наших побед на фронте и в тылу. Потом вы позвоните мне – адъютант Шольц соединит вас – и скажете, по какому шоссе, в какое время и в какую часть отправлен Фриц. Вы понимаете меня?

– Да, группенфюрер!

Когда он, щелкнув каблуками, повернулся, Мюллер вздохнул: голова начальника районного отделения гестапо была точно такой же, как у шофера Ганса – стриженная под скобку; шея очень длинная, но толстая; *вытянутость* какая-то, а не череп... А ведь ему когда-то нравилась голова Ганса. И он специально сажился на заднее сиденье, чтобы смотреть на шофера...

...Он поручил ликвидировать сына Рихарду Шапсу. Мюллер держал «в резерве» не только старых друзей из крипо – криминальной полиции Мюнхена, где он начинал работать в двадцатых годах, – но и трех уголовников, специалистов по налетам, – Рихарда Шапса, Роберта Грундрегера и Йозефа Руа; он *провел* их через четвертый отдел крипо как специальных агентов, работавших и с арестованными в камерах, и на свободе, осведомляя РСХА² о готовившихся преступлениях особо крупного масштаба.

...Мальчик был убит неподалеку от Одера; это гарантировало сообщение о героической смерти Мюллера-младшего, павшего в борьбе за дело великой Германии на фронте борьбы против большевистских вандалов.

(Начальник районного отделения гестапо будет ликвидирован в Кенигсберге, это сделает Йозеф Руа; осведомителя, написавшего рапорт о Фрице, а также трех его ближайших друзей, к которым могла уйти информация о том, что позволил себе сын, уберет Грундрегер; соседа Фрица по парте, Питера Бенеша, – после того как он выйдет из больницы, где сейчас находится, – устранил Шапс.)

«Если ребенок после пятнадцати лет не стал твоим другом, – сказал себе Мюллер, – если он не *бредит* отцом, он чужой тебе; вопрос крови пусть занимает Геббельса; повиснуть на дыбе в камере за молодого ублюдка, который, как оказалось, лишен охранительного разума – а по новому закону фюрера меня могла ожидать именно эта участь, – предательство той мечты, которой я живу. Если бы Шелленберг узнал об этом, меня бы уже сегодня могли пытать в подвале. Если бог хочет наказать человека, он лишает его разума. Бог наказал Фрица. Не я».

...Выходя из машины возле двухэтажного краснокирпичного здания, где помещалось разведуправление «Иностранные армии Востока», Мюллер кивнул Гансу на пластмассовую коробочку:

– Съешь бутерброд, сынок, славная колбаса и совсем недурственный шпиг, хоть и не из твоего любимого Магдебурга... Я – недолго, можешь не загонять машину в бомбоубежище...

– Добрый день, господин генерал.

– Хайль Гитлер, группенфюрер! – ответил Гелен, поднявшись из-за стола навстречу Мюллеру.

Мюллер усмехнулся:

– Мы живем в такое время, когда надежнее быть каким-нибудь лейтенантом, а вовсе не группенфюрером, не находите?

² РСХА – главное управление имперской безопасности.

Гелен пожал плечами:

– Вы – избыточный немец, а потому все явления жизни стараетесь привести к единой формуле порядка. А он невозможен, ибо, когда логика отделена от эмоций, начинается хаос.

– Не вижу связи, – ответил Мюллер, усаживаясь в кресло напротив Гелена.

– Это комплимент. Если бы вы умели сразу видеть мои *связи*, не сидеть бы мне здесь, а – в лучшем случае – мерзнуть в блиндажах на Восточном фронте.

– Напрасно вы считаете меня своим главным врагом, – ответил Мюллер. – У вас есть враги куда могущественнее, чем я, и вам это известно, но ваше знание России – самый ваш надежный гарант, а отнюдь не *связи*. Валяйте, валяйте, растолкуйте все-таки наивному крестьянину вашу логическую хитрость.

– Извольте, – улыбнулся в свою очередь Гелен. – Эмоции человека – это врожденное, логика – благоприобретаемое. Когда две эти ипостаси соединены воедино, начинается *работа*, обреченная на удачу. А мы последние годы живем словно бы разрубленные надвое: эмоции говорят нам одно, а логика – то есть обязанность подчиняться указаниям и выполнять приказы – уводит совсем в другую сторону. Согласны?

– Безусловно.

– Вот видите... Вы – как избыточный немец – безуспешно норовите совместить несовместимости и впадаете в алогизм, который чреват горем...

– Во-первых, я баварец, а не немец. Во-вторых, я далеко не всегда разрубаю нашу нынешнюю нелогичную логику с эмоциями, поэтому, видимо, и жив пока что. Но я до сих пор не понял, отчего вы завернули про «избыточного немца»?

– Потому что вы норовите навязать себя, свою манеру мышления собеседнику... Не спорьте, я тоже не до конца чистый немец – примесь пруссака не может не давать себя знать... Вы мыслите прямолинейно: раз группенфюрер или генерал, – значит, в глазах врагов ты полнейший злодей, а лейтенант – всего лишь полусукин сын. Так?

– Так.

– Вам, конечно же, горше, чем мне. Вас ненавидят и на Востоке и на Западе. Что же касается меня, то яростная ненависть Кремля в определенной мере компенсируется алчным интересом к моему делу финансовых еврейчиков на Западе, особенно в Америке.

– Вот теперь я все понял, – вздохнул Мюллер. – Это вы к тому, что вам, генералу, еще можно как-то продаться, а такую старую потаскуху, как меня, папу-Мюллера, – пусть даже я переделаюсь в лейтенанта, – поставят к стенке и русские, и американцы?

– Нет, вы никакой не баварец, вы немец, стопроцентный немец, и ваши предки наверняка родились в Бранденбурге или Ганновере, мне жаль вас. Мы с вами, именно мы, группенфюрер, представляем собою не что-нибудь, но *память* рейха. Моя память обращена против Кремля, ваша – как против Кремля, так и против Даунинг-стрит, Белого дома и Елисейского дворца, – нас грешно стрелять.

– Нет. – Мюллер покачал головой. – Нет, генерал. Вы спутали меня с Шелленбергом. Но мыслили вы именно в том направлении, которое и привело меня к вам... Гудериан отказался передать нам копию вашей «Красной библии». Почему?

– Гудериан лишь подписал отказ, группенфюрер. Отказал я.

Он знал, что делал, отказывая гестапо в просьбе прислать экземпляр «Красной библии». В этой книге были напечатаны досье на советских политических деятелей, генералов, конструкторов, министров – словом, на всех тех, кто являл собою костяк власти; это досье Гелен собирал, используя данные агентуры, внедренной в Россию, перехваты телефонных переговоров и опросы пленных (он провел два месяца с Власовым, беседуя с ним и его ближайшим окружением, перепроверяя то, что было уже заложено в «библию», и добавляя новое, что принес с собою изменник).

«Красная библия» была одним из *шансов* Гелена; никто в мире не владел такого рода информацией, как он и его штаб; ни одна разведка, включая Шелленберга, сосредоточившего в основном на политических, то есть сиюминутных интригах, не знала того, что знал Гелен; бригаденфюрер забыл или, возможно, не понял, что настоящая разведка закладывает мины замедленного действия *впрок*, на многие годы вперед; впрочем, ему можно было сострадать – он работал под Гиммлером, который торопился доложить фюреру очередной *успех*; армия рейха, однако, жила по закону резерва: даже во время победы надобно думать о возможных поражениях и загодя готовить реванш, контратаку, новый сокрушительный удар...

– Вас могут неверно понять, генерал, – сказал Мюллер. – Я и приехал для того, чтобы решить этот вопрос миром.

Гелен покачал головой:

– Группенфюрер, не обольщайтесь: сейчас у Гитлера лишь одна надежда – мы, армия. Вы были самым грозным институтом рейха еще год назад, даже полгода. Теперь вы не можете без нас *ничего*. Теперь меня не отдадут вам. Я не боюсь вас более.

– Ну-ну, – сказал Мюллер. – Это вы молодец. Люблю храбрецов. Это у меня с детства – сам-то был трусом, именно трусы и льнут к тайной полиции – реальное могущество, чего там, власть над другими... Только срочно отправьте в Тюрингию, на вашу виллу, к жене и детям пару взводов солдат, пусть охраняют вашу семью как зеницу ока: сейчас время страшное, удары в первую голову обрушиваются на несчастных женщин и детей...

Сказав так, Мюллер медленно, тяжело поднялся и пошел к двери.

– Вы с ума сошли! – воскликнул Гелен. – Вы сошли с ума! Вернитесь!

Мюллер послушно повернулся, снова сел в кресло – теперь уже увесисто, по-хозяйски, – миролюбиво заметил:

– Хоть бы кофе предложили, право.

Гелен совладал с собою, ответил:

– Я угощу вас кофе, но вам бы тоже не грех посадить в свою квартиру наряд эсэсовцев. У вас ведь тоже семья, жена и сын, не так ли?

– Была, – ответил Мюллер. – Сын погиб на Восточном фронте, а женою я готов пожертвовать. Вы меня остановили только для этого?

– Зачем вам «Красная библия»?

– Для того, чтобы пригласить вас в долю.

– То есть?

– Все очень просто: у меня появился канал связи с Москвою; ваша «Красная библия», будучи переброшенной Кремлю, вызовет там такую бурю, такой *ужас*, такую манию подозрительности, что последствия трудно предсказать. Запад будет в высшей мере удивлен событиями, которые могут разразиться в Москве. У вас, как я слышал, подтасованы такие данные на Жукова, Говорова, Рокоссовского, наркома авиации Шахурина, которые мы преподнесем соответствующим образом. Память Власова выборочна. То, что обыкновенный человек легко забывает, предатель помнит обостренно, истинный сплав логики и эмоции, попытка *подтащить* всех чистых под себя, грязного; предательство – категория любопытная, изменник хочет оказаться третьим, он всегда ищет – в оправдание себе – первых и вторых... Я готов поработать с вашей «библией» здесь, в кабинете, если вы боитесь – и правильно, кстати, делаете, – что она окажется в сейфе Кальтенбруннера или Гиммлера, возьми я ее с собою...

– Словом, вы просите меня позволить вам быть причастным к тому делу, которому я посвятил жизнь?

– О! Совершенно верно изволили сформулировать, генерал, экая точность в слове!

– В таком случае вы будете обязаны помочь несчастному Канарису.

– Им занимается Кальтенбруннер. Лично.

– Да, но в том концлагере, где томится истинный патриот Германии... и фюрера, – добавил Гелен неожиданно даже для самого себя, – есть ваши люди. Они ведь могут *все*.

– Логика, генерал! Логика! Где ваша логика?! Только что вы заметили, как ныне всемогущественна армия, а мы, бедное гестапо, в полнейшем загоне, и тут же противоречите себе, утверждая, что мои люди могут *все*...

Мюллер глянул на Гелена и понял, что перебрал: тот может закусить удила, прусская кость, армейская каста, ну его к черту...

– Хорошо, – сказал он, – давайте уговоримся так: я гарантирую, что родственники казненного фельдмаршала Вицлебена и генерала Трескова не будут ликвидированы, как это предписано фюрером... Я обещаю вам, что семья фельдмаршала Роммеля, покончившего с собою по приказу фюрера, не будет отправлена в лагерь, как это санкционировано Гиммлером... Что же касается судьбы несчастного Канариса, я *постараюсь* выяснить, что его ждет. Я попробую понять, отчего он до сих пор не казнен, кто остановил руку палача, кому это на пользу. Такого рода уговор вас устраивает?

Гелен снял трубку телефона, попросил адъютанта принести два кофе и, открыв сейф, молча, как-то брезгливо, но в то же время жалостливо протянул Мюллеру книгу.

Тот пролистал первые страницы, улыбнулся:

– Товар, а?! Просто-таки товар!

– Это не товар, это будущее...

...Когда адъютант принес кофе, Мюллер спросил:

– Какие-то страницы можно будет фотокопировать?

– Какие-то – да, весь материал – нет.

– Пропорция?

– Четвертая часть.

– Договорились. У вас есть ко мне еще какие-нибудь просьбы?

– Есть.

– Пожалуйста.

Гелен хмыкнул:

– Влюбитесь в какую-нибудь девку без памяти, в вашем возрасте это вполне распространенное явление, а я позабочусь о ней в таком смысле, в каком вы намеревались позаботиться о благополучии моей семьи...

Мюллер покачал головой:

– Я почитаваю Маркса, генерал. Его формула «товар – деньги» вполне приложима к утехам стареющих мужчин: определенность, никаких эмоций...

– Ваш кофе остывает...

– Вообще-то я кофе не пью, просто приучил себя подчиняться общим правилам и люблю, когда их соблюдают окружающие...

...Вернувшись к себе на Принц-Альбрехтштрассе, Мюллер попросил Шольца заварить крепкого чая, спросил, какие новости, выслушал ответ адъютанта, несколько недоуменно пожал плечами, потом устало улыбнулся чему-то и начал кормить рыбок.

Недоумевать и радоваться было чему: Штирлиц возвращался в Берлин, хотя Мюллер ставил тысячу против одного, что тот не вернется; оснований считать так было у него более чем достаточно, ибо его личная служба наблюдения передала из Швейцарии сводку, которая со всей очевидностью доказывала ему, именно ему и никому другому, связь штандартенфюрера СС с секретной службой русских.

«Но все-таки, каков смысл? Зачем?»

Штирлиц поднялся с земли, устланной ржавыми дубовыми листьями. Кое-где пробивалась яркая, изумрудная зелень; ему отчего-то стало за нее страшно – словно девочка-подросток, право; Марика Рёкк пела последний куплет своей песни о семнадцати мгновениях весны, о том, как деревья будут кружиться в вальсе, и чайка, подхваченная стремниной, улетит, и никто не сможет помочь ей; голос Рёкк, чуть хрипловатый, а потому какой-то особенно нежный, доверительный, достиг своего предела; последний аккорд; шершавая тишина; диктор начал читать последние известия с фронтов; тон – победный, возвышенный; «героизм танкистов, победы рыцарей люфтваффе, грозные контратаки непобедимых СС»...

Штирлиц подошел к машине, выключил радио, сел за руль и поехал в Берлин...

Он не гнал сейчас, словно бы стараясь продлить то ощущение тишины и одиночества, которое сейчас принадлежало лишь одному ему.

Он не хотел, а скорее, не мог представить себе то, что предстоит ему через три часа, когда он вернется. Он ехал медленно, стараясь заставить себя ни о чем не думать; полное расслабление; однако, чем настойчивее он приказывал себе не думать, тем настойчивее звучали в нем вопросы, а вопрос – это стимул мысли, начало начал действия, предтеча поступка.

Тогда Штирлиц решил похитрить с самим собою: он заставил себя вспомнить лицо Сашеньки; оно постоянно, с далекого двадцать второго года, жило в нем, однако это воспоминание стало сейчас до того тревожным, безвозвратно далеким, что Штирлиц даже на мгновение зажмурился, пропустил очередной столбик, но сказал себе: «Это был двести тринадцатый километр, не гони, все будет хорошо, точнее говоря, все *обязано* быть хорошо, иначе случится несправедливость, ты не заслужил этого. А разве несправедливость – категория, отмеченная печатью «заслуженного»? Несправедливость – высшее проявление нелогичности бытия: она обрушивается как раз на тех, кто не заслужил ее, кто старается жить по неписаному кодексу добра... Ишь, как ты хвалишь себя, – усмехнулся Штирлиц, – не впрямую, но вполне однозначно... Страсть как любит человек, когда его хвалят. А если похвалить некому? Что ж, как говорят, своя рука владыка... Наверное, фюрер в молодости очень часто слышал гром оваций и свое имя, многократно повторяемое тысячами людей. Интересно, а примут ли когда-нибудь немцы такое решение, чтобы подвергать своего лидера анализу психиатров? Так, мол, и так, вы – параноик, милостивый государь, вам не народом править, а отдыхать в санатории, укреплять нервную систему; можете заниматься рисованием, акварель очень успокаивает нервную систему; допустимы упражнения в поэзии, читайте свои стихи массам, тоже будут овации, девицы падки на сладкоречивую рифму... Хотя нет, поэзия – это святое, к ней нельзя подпускать параноиков... Страшная фраза: «Нельзя подпускать к поэзии»... Стыдно, Исаев, ты сейчас дурно сказал: поэзия отторгнет сама по себе все то, что не отмечено печатью морального здоровья...»

Он вспомнил тот праздник, который был у него осенью тридцать седьмого, когда командование разрешило ему переход фронта под Гвадалахарой, тщательно залегендировав для Берлина «необходимость встречи с агентурой СД, внедренной в республиканскую Испанию». На «окне» его встретил Гриша Сыроежкин, они подружились в двадцать первом, когда Дзержинский отправил Исаева в Таллин – по делу о хищении бриллиантов из Гохрана, а Гриша был на связи с ним и Шелехесом-младшим, резидентом ЧК в Эстонии.

...Сыроежкин привез его в маленький особняк близ Валенсии, там уже собрались Владимир Антонов-Овсеенко, Михаил Кольцов, Родион Малиновский, Хаджи Умар Мамсуров, Яков Смушкевич и Роман Кармен. С каждым из этих людей Максима Исаева связывала дружба с тех давних и прекрасных лет Революции, когда Антонов-Овсеенко часто заходил к Дзержинскому; Родион Малиновский был у Василия Блюхера, который переправлял Исаева во Влади-

восток; с Яковом Смушкевичем, нынешним советником республиканской авиации, его дороги пересекались в Китае, когда там были Блюхер и Михаил Бородин, – помогали создавать революционную Красную Армию...

Он пробыл у друзей всего лишь одну ночь. Никто не сомкнул глаз. Вспоминали тех, с кем дружили: Павла Постышева, Якова Петерса, Николая Подвойского, Михаила Кедрова, Григория Петровского, Николая Крыленко, Артура Артузова.

Потом Исаев вышел в маленькую комнату вместе с Антоновым-Овсеенко – тот был генеральным консулом в Испании, отвечал за *все*.

– Максим, – сказал Антонов-Овсеенко, закуривая, – я знаю, что ты захочешь сейчас написать рапорт об отзыве на Родину, я знаю, что силы твои на исходе, я понимаю все, мой товарищ... Но я не стану передавать твой рапорт в Центр, оттого что борьба с фашизмом – а он многолик, как оборотень, – только еще начинается, и это будет долгая и кровавая борьба.

Антонов-Овсеенко тяжело затаился, долго, изучающе посмотрел на Исаева, потом, вздохнув, странно улыбнулся:

– Знаешь, мне, как человеку военному, – как-никак прапорщик с пятого года, тридцать два года стажа, – известны все военные приказы... Но есть один, которого нет в уставах: «Приказано выжить»... Понимаешь?

– Понимаю, – ответил тогда Исаев. – Но отдают ли там, дома, себе отчет в том, что...

Антонов-Овсеенко перебил его:

– Максим, там отдают себе отчет во всем. Ясно? Во всем.

«Приказано выжить», – повторил себе слова Антонова-Овсеенко Штирлиц. – Но лишь по закону совести. Иначе следует исчезнуть. Жизнь, купленная ценою бесчестья, – не жизнь, а существование...

Он вспомнил, как в двадцать седьмом, в Шанхае, получил приказ Менжинского внедриться в движение национал-социалистов. Ему казалось тогда – чем глубже он вникал в идеи Гитлера, – что Центр заблуждается, считая, что этот фанатик опасен, что он сможет прийти к власти. Лишь в тридцать третьем году он понял, как был прав Вячеслав Рудольфович, когда предполагал самое страшное еще за шесть лет перед тем, как оно, это страшное – приход нацистов к власти, – свершилось.

До сих пор Штирлиц – сколько ни думал о причинах, приведших к власти фюрера, – не мог объяснить себе этот феномен. Да, рознь между социал-демократами и коммунистами, отсутствие общего фронта не могли не помочь правым ультра одержать победу, но почему Гитлер?! Были серьезные силы в Германии начала тридцатых годов, стоявшие на консервативных, устойчиво антикоммунистических позициях: армия, в первую очередь; «Стальной шлем»; «Немецкая национальная партия». Отчего не этот блок пришел к власти, а Гитлер? Игра на прекрасном термине «социализм», на его притягательной силе для рабочего класса? Выдвижение – наряду с термином «социализм» – примата его национальной принадлежности? То есть в пику Москве – не Интернационал, не счастье всем, но лишь избранной расе господ, нации немцев? Неужели одержимый национализм, то есть преклонение лишь перед *самими собою*, столь могуществен и слеп в начале своего пути, что может застить зрение исторической памяти? Ни одно национальное движение, построенное на идее примата расы, никогда не одерживало и не сможет одержать окончательной победы, это ясно каждому. Тогда каким же образом Гитлер смог одурачить народ Гёте, Вагнера, Гегеля, Гейне, Бетховена и Баха? Неужели народу, целому народу, было угодно, чтобы вину за то, что в стране нет хлеба и маргарина, возложили на евреев, цыган и интриги Коммунистического Интернационала? Может быть, людям вообще угодно переваливать вину за существующее на других? Спасительные козлы отпущения? Значит, Гитлер и разыграл именно эту низменную карту, обратившись к самому дурному, затаенному, что существует в человеке, особенно в слабом и малообразованном! Но ведь это более чем преступление – делать ставку на низменное и слабое; это только на первых порах

может принести дивиденды; конечный результат предсказуем вполне: общий крах, национальное унижение, разгром государственности...

«А какое фюреру до всего этого дело? – подумал Штирлиц. – Он всегда жил одним лишь: субстанцией, именуемой «Адольф Гитлер»; он действительно постоянно в мыслях своих то и дело слышал овации и рев толпы, многократно повторяющей его имя... Нет, политика надо проверять еще и на то, какова в нем мера врожденной доброты, ибо добрый человек поначалу думает о других, лишь потом о себе...»

Штирлиц ощутил усталость, огромную, гнетущую усталость. Вдали показался Берлин; он угадал столицу рейха по скорбным, крематорским дымам, струившимся в высокое светлое небо: налеты англо-американской авиации были теперь круглосуточными.

«Если я снова остановлюсь, – вдруг отчетливо понял Штирлиц, – и выйду из машины, и сяду на землю (машинально он отметил, что здесь, севернее, на обочинах еще не было зелени и языки снега в лесу были покрыты копотью, потому что ветер разносил дым пожарищ на десятки километров окрест), то я могу не устоять, не удержать себя и поверну назад; приеду в Базель, пересеку границу и лягу спать в первом же маленьком отеле – он примерно в двухстах метрах от Германии, прямо напротив вокзала, улица тихая, спокойная, хотя слышно, как гудят паровозы; но ведь это так прекрасно, когда они грустно гудят, отправляясь в дорогу; папа водил меня на маленькую станцию под Москвою, – кажется, называлась она Малаховка, – и мы подолгу слушали с ним, как проносились поезда, стремительно отсчитывая на стыках что-то свое, им одним понятное... Тебе нельзя останавливаться сейчас, старина... Езжай-ка к себе, прими душ, выпей крепкого кофе и начинай работу...»

Не доезжая трех поворотов до дому, Штирлиц резко притормозил: дорогу перебежала черная кошка со смарагдовыми шальными глазами.

Он знал, что здесь его, увы, никто не обгонит: в Бабельсберге почти не осталось машин – все были конфискованы для нужд фронта, а те, которые не годились для армии – деревянные горбатенькие «дэкавушки», – стояли в гаражах – бензин был строго лимитирован; он понимал, что прохожего, который первым пересечет ту незримую линию, где промахнулась кошка, ждать придется долго: люди выходили из домов только во время бомбежек, чтобы спрятаться в убежище; все ныне жили затаенно, локоть к локтю, в ожидании неминуемого конца – это теперь было понятно всем в рейхе, всем, кроме великого фюрера германской нации, который фанатично и беспощадно держал народ в качестве своего личного, бесправного и бессловесного заложника.

«Я подожду, – тем не менее сказал себе Штирлиц, выключив мотор. – Что-что, а ждать я умею. Все-таки черная кошка, да еще слева направо, во второй половине дня, накануне возвращения в мой ад – штука паршивая, как бы там ни говорили...»

Вторым слоем сознания он понимал, что черная кошка была лишь поводом, который позволил первому, главному, холодно-логическому слою сознания приказать руке повернуть ключ зажигания: каждый человек многомерен, и в зависимости от уровня талантливости количество этих таинственных слоев в коре мозга множится тяжким грузом мыслей и чувств, сплошь и рядом прямо противоположных друг другу.

«Просто-напросто мне надо еще раз все продумать, – сказал себе Штирлиц. – Я встрепан с той минуты, когда дал согласие вернуться. Я понимаю, что этим согласием я, видимо, подписал себе смертный приговор... Но ведь только больной человек лишен чувства страха... Значит, давая согласие вернуться, я оставлял себе хоть гран надежды, нет? Бесспорно. В чем я могу быть засвечен? Во всем... Это не ответ, старина, это слишком просто для ответа, не хитри с собою. Ты понимаешь, что одним из главных уязвимых мест является сестра пастора и ее дети. Если их все-таки *вычислят* и возьмут в гестапо, мне не будет прощения. Это раз. Их, конечно, трудно, практически невозможно вычислить, документы надежны, в те горы вот-вот придут американцы, но ведь я был твердо убежден в безопасности Плейшнера, а он погиб...

А сам пастор? Могут ли гестаповцы нанести ему удар? Вряд ли... Они не смогут выдернуть его из Берна, силы у них уже не те... Хотя всех их сил я не знаю... А что, если Шелленберг вошел в контакт с Мюллером? Тогда его первым вопросом будет: «Каким образом Кальтенбруннер и Борман узнали о переговорах Вольфа с Даллесом?» Я должен продумать линию защиты, но я не могу собраться, а сейчас дорогу перебежала кошка, и я поэтому имею право посидеть и подождать, пока кто-нибудь перешагнет эту чертовину первым... Хорошо, а если пограничная служба ввела очередное подлое новшество с тайным фотографированием всех, кто пересекает рубежи рейха? И Мюллер сейчас рассматривает портрет Кати и мой?.. Что я отвечу? А почему, собственно, он должен меня сразу об этом спрашивать? Он наладит слежку и прихлопнет меня на контакте с теми связниками, которые переданы мне в Потсдаме или Веддинге, дважды два».

Штирлиц устало поднял глаза: в продольном зеркальце была видна пустая улица – ни единой живой души.

«Ну и что? – возразил он тому в себе, кто успокоился оттого, что слежки пока не было. – В этом государстве вполне могли вызвать трех соседей и поручить им фиксировать каждый проезд моей машины, всех машин, которые едут ко мне, всех велосипедистов, пешеходов и мотоциклистов... И ведь безропотно станут фиксировать, писать, сообщать по телефону... Но я отвожу главный вопрос... И задаст его мне Шелленберг... Со своей обычной улыбкой он предложит написать отчет о моей работе в Швейцарии в те дни, когда я засветил Вольфа. Он попросит дать ему отчет прямо там, в его кабинете, – с адресами, где проходили мои встречи с пастором, с номерами телефонов, по которым я звонил... А в Берне они вполне могли поставить за мною контрольную слежку... Я ведь был убежден, что получу разрешение вернуться домой, и я плохо проверялся. Ты очень плохо проверялся, Исаев, поэтому вспомни, где ты мог наследить. Во-первых, в пансионате «Вирджиния», где остановился Плейшнер. Очную ставку с тем, кто привез мою шифровку на конспиративную квартиру гестапо «Блюменштрассе», обещал мне Мюллер... Плейшнер не дал ему этой радости, маленький, лупоглазый, смелый Плейшнер... Но тот факт, что я интересовался им, приходил в пансионат, где он остановился, – если это зафиксировано наружным наблюдением, – будет недостающим звеном в системе доказательств моей вины... Так... А что еще? Еще что? Да очень просто: Шелленберг потребует вызвать пастора. «Он нужен мне здесь, в камере, – скажет он, – а не там, на свободе». «Это целесообразно с точки зрения дела, – отвечу я, – мы имеем в лице Шлага прекрасный контакт для всякого рода бесед в Швейцарии». Сейчас без десяти двенадцать. До боя часов у нас еще есть какое-то время, стоит ли рвать все связи? Не говори себе успокоительной лжи, это глупо, а потому – нечестно. Шелленберг не станет внимать логике, он – человек импульса, как и все в этом вонючем рейхе. Бесы, дорвавшиеся до власти, неуправляемы в своих решениях: их практика бесконтрольна, их не могут ни переизбрать, ни сместить по соображениям деловой надобности, они уйдут только вместе с этой государственностью. Между прочим, то, что я затормозил и стою посреди дороги уже пять минут после этой проклятой кошки, работает на меня: так может поступать лишь открытый человек; по разумению Мюллера, ни один разведчик не стал бы привлекать к себе внимания... Ай да Штирлиц! Интересно, я с самого начала придумал «кошачью мотивацию» или мне это пришло в голову только сейчас? Я не отвечаю себе, и это форма защиты... Я не должен отвечать ни Мюллеру, ни Шелленбергу, я должен заставить их спрашивать... А этого я могу добиться только одним: первым человеком, которого я увижу, должен быть Борман. Я ему передам пленку, которую добыл пастор, о переговорах Вольфа с Даллесом... Почему бы нет? Как это у римлян? Разделяй и властвуй... А из моего дома Борману звонить нельзя... А почему я думаю, что мне позволят звонить оттуда, если Мюллер уже посадил *там* своих костоломов?»

Он включил зажигание, посмотрел – чисто автоматически – в зеркальце и заметил, как по тротуару бежал мальчик с собакой; он бежал испуганно, втянув голову в плечи, видимо, ждал

налета; лицо его было пергаментным и морщинистым – такое бывает у стариков незадолго перед смертью, когда уши делаются несоразмерно большими, мочка обвисает, становясь серосиней, восковой.

Штирлиц медленно переключил скорость, притормозил на мгновение, улыбнулся мальчику ободряюще и только после этого развернулся и поехал в центр – там, возле метро, кое-где еще работали телефоны-автоматы. Наверняка можно позвонить из кабачков на Фишермаркте – от «Грубого Готлиба» звонить нет смысла, там все разговоры записываются районным гестапо, да и сам Готлиб ухо держит востро. По имперскому закону от седьмого июня тридцать четвертого года каждый владелец ресторана, гостиницы, вайнштубе, бара, кафе, пивной был обязан сотрудничать с властями и сообщать обо всех гостях, поведение которых хоть в самой малой малости может показаться подозрительным. Если человек, пришедший к тебе выпить пива, небрит, неряшливо одет или, наоборот, чрезмерно изысканно, особенно в иностранном костюме (английский и американский стиль заметны сразу же), если гость плачет или же слишком громко смеется – словом, если он хоть в чем-то разнится от *массы*, о нем следует незамедлительно сообщить в отделение гестапо. Поскольку цыганам и евреям вход в рестораны, кафе и гостиницы был запрещен – недочеловеки, подлежащие уничтожению, – а после начала войны посещение общественных мест было также запрещено французским рабочим, пригнанным в рейх, «остарбайтерам» из Польши, Югославии и Советского Союза, то репрессивная система тотальной слежки обрушилась на тех, кого фюрер столь патетически называл «расой господ»; именно они, «господа», и оказались заключенными в том гигантском концлагере, именовавшемся «великим рейхом германской нации», где «права каждого имперского подданного на свободу и достоинство» ежедневно и ежечасно повторялись пропагандистским аппаратом доктора Геббельса.

...Штирлиц притормозил возле станции метро «Адольф Гитлер Плац», обошел свой пыльный «хорьх», подумал, что машину надо срочно помыть, иначе полицейские немедленно сообщат по цепи (номер его машины служебный; каждое сочетание букв отдано тому или иному рейхсминистерству, так легче следить за передвижением на улицах; спецсообщение о поездках бонз «среднего калибра» каждый день исследовалось особым сектором дорожной полиции, а затем донесение о тех маршрутах служебных машин, которые казались *нестандартными*, отправлялось в гестапо).

Опустив в телефонный аппарат две монетки по десять пфеннигов, Штирлиц подумал: «Но ведь, позвонив Борману первым, я сразу же восстановлю против себя Мюллера. Как он ликовал, когда говорил мне: «Видите, Штирлиц, как легко я вас перевербовал – десять минут, и все в порядке!» Не надо мне сбрасывать его со счета. В том, что мне предстоит сейчас, все-таки именно он будет стоять под номером «один»... Я должен позвонить его Шольцу и сказать, чтобы он доложил шефу о моем возвращении, назначил время аудиенции, ибо у меня есть чрезвычайно важная информация... А уж после этого я позвоню Борману... Молодец, Штирлиц, ты вовремя внес крайне важную коррективу. А говорят, что от перестановки мест слагаемых сумма не меняется... Дудки, еще как меняется... Но я все же не зря отталкивал от себя тот проклятый вопрос, который мучает меня с той минуты, когда парень в баре передал мне приказ вернуться в рейх... Ну да, конечно, не приказ, просьбу, ясное дело... Я боюсь задать себе этот вопрос: «Почему я должен вернуться?» Может быть, в Швейцарии, читая наши русские газеты, я просто-напросто не смог понять, что дома знают куда как больше о том, что может произойти в рейхе, чем знаю я, сидящий здесь? Но что? Что же?!»

...Встретившись с Борманом – как и в прошлый раз, в его машине возле Музея природоведения, – Штирлиц в какой-то мере понял, отчего Москве было выгодно его возвращение...

«Да, именно так – я действительно вас подозреваю...»

– Здравствуйте, Штирлиц, необыкновенно рад вас видеть. Садитесь, – сказал Мюллер, и быстрая продольная гримаса свела его левую щеку. – Хотите выпить моей домашней водки?

– Хочу.

– А попробовать настоящего магдебургского сала?

– Тем более.

Мюллер достал из холодильника, вмонтированного в книжный стеллаж, запотевшую бутылку баварского «айнциана», деревянную досочку с тонко порезанным бело-розовым салом, банку консервированных мидий, поставил все это на маленький столик в своей комнате отдыха и сказал:

– Если не можете не курить – курите.

– Спасибо. – Штирлиц усмехнулся.

Мюллер быстро глянул на него:

– Чему смеетесь?

– Памяти... Я когда-то читал книгу еврейского писателя Шолом-Алейхема... У него там была занятная строка: «Если нельзя, но очень хочется, то можно».

– Замечательно, – сказал Мюллер и поднял свою рюмку. – За ваше благополучное возвращение, за то, что вы блистательно выполнили свой долг, и за ваши филологические способности.

Штирлиц выпил, закусил салом – оно действительно было отменным, – поинтересовался:

– А почему «филологические способности»?

– Потому что мне знакомы списки всех тех евреев, книги которых издавались в Германии. Шолом Алейхема среди них не было. Его издавали только в России.

– Верно. И еще его трижды издавал Галлимар в Париже.

– Да черт с ним, с этим Алейхемом, я бы не отказался сейчас обнаружить среди своей родни какого-нибудь еврея, вскорости это очень сгодится, когда сюда понаедут жидочки из Америки, а Сталин пришлет своим заместителем Илью Эренбурга... Ладно, рассказывайте о беседе с Борманом... Вы не писали ее?

– Нет. И впредь этого делать не стану.

– Почему?

– Потому что после моей первой с ним встречи он и так переменил свое отношение к вам... Вы же были у него после того, как я рассказал ему о вашей безграничной преданности?

– Он уведомил вас об этом?

Штирлиц пожал плечами:

– А кто еще мог меня об этом уведомить?

– Ваш шеф и мой друг Шелленберг, например...

– Мой шеф и ваш друг Шелленберг, видимо, отдаст меня в руки имперского народного суда за то, что я способствовал изменническим переговорам пастора Шлага с англо-американцами...

– А кого представляет Шлаг? Разве за ним кто-то стоит? Он связан с нами? Или с партией? Он был и остался изменником, Шелленберг знал, кого отправлять в Берн... Меня, во всяком случае, Шелленберг пока еще не просил заняться вами – в качестве «пособника врагов»...

– Попросит.

– Вы сказали об этом Борману?

– Конечно.

– Как он отреагировал?

– Сказал, что подумает... Но мне показалось, что вы заранее обсудили с ним возможность такого рода...

Мюллер налил еще в рюмки, посмотрел свою на свет, покачал головою:

– Какого черта всех нас потянуло в политику, Штирлиц?

– Какие мы политики? Шпионы...

– Истинными политиками на этом свете являются именно шпионы: они знают две стороны медали, то есть абсолютную правду, а политики извиваются, словно змеи, дабы отчеканить орла и решку на одной стороне, что, согласитесь, невозможно.

– Именно поэтому их работа будет нужна во все века, как-никак иллюзия, а люди на нее падки...

– Борман действительно попросил меня обеспечить вашу безопасность, вы снова угадали... Спалось в Швейцарии хорошо?

– Так же, как здесь.

– Но там нет бомбежек, тишина...

– А я не реагирую на бомбежки.

– Вы фаталист?

– Вы до чего угодно доведете, – вздохнул Штирлиц.

– Это – да, умеем, – согласился Мюллер добродушно. – Ну, выкладывайте, о чем он говорил?

– О том, что Шелленберг, видимо, продолжает свое дело в Швейцарии и готовит новое, в Стокгольме.

– И вам, как специалисту по срывам переговоров, поручено войти в эти комбинации Шелленберга?

– Да.

– Но ни Борман, ни вы не знаете, как это можно сделать?

– Именно так.

– И Мюллер-гестапо, добрый старый папа-Мюллер, должен помочь вам в этом?

– Должен.

– А как он это сделает? Что он, семи пядей во лбу? Я не знаю, как подкрасться к вашему шефу. Я ломаю голову второй день и ничего не могу придумать. Давайте выкладывайте ваши соображения, Штирлиц, вы умный и хитрый... Смело говорите все, что взбредет на ум, я стану вас корректировать...

– Группенфюрер, если уж вы не знаете *как*, то я, даже со всей моей хитростью, вообще ничего не придумую...

– Штирлиц, я не люблю кокетства... Да вы и не умеете кокетничать, слишком для этого умны... Расскажите мне весь ход операции по Вольфу... С самого начала... Англичане не так уж были неправы, когда решили – в судебных разбирательствах – жить по закону аналогии. Я слушаю...

Штирлиц понял: началась проверка. «Он хочет послушать, как я буду излагать ему свою версию всего дела... А он станет перепроверять ее, основываясь на донесениях агентуры, расшифровке моих телефонных разговоров, рапортах службы наблюдения... Сейчас он должен подняться и отойти к шкафу или куда-то еще, где у него есть кнопка включения записи... Вряд ли он решится на то, чтобы, сидя напротив меня, шарить рукою в кармане по рычажкам диктофона, он слишком большой профессионал, он *рассчитывает* контрагента заранее...»

Мюллер, однако, не встал с кресла, он просто-напросто пододвинул к себе маленький пульт, лежавший на столе, нажал кнопку и сказал:

– Я запишу вас, потом послушаем вместе, если какой-то узел будет непонятен, вернемся к нему и проанализируем заново. Согласны?

– Конечно, – ответил Штирлиц и снова, в который уже раз, подивился этому человеку, его совершенно особенной логике. – Итак, мне была поручена работа с пастором, которого Шелленберг, видимо, уже давно держал в уме для прикрытия Вольфа – в случае, если переговоры с Даллесом окончатся неудачей или же сведения о них дойдут до фюрера... Я работал со Шлагом не без интереса: это достойный человек, у него своя позиция, он бесстрашен, готов на все, лишь бы немцы получили мир как можно раньше... У Шлага довольно широкие связи среди движения пацифистов, имя его известно Ватикану, с экс-канцлером Брюнингом его связывает давняя дружба... По легенде, он должен был вступить в контакт с Даллесом, назвав имена ряда достойных людей в переговорах о мире, ибо он – по словам агентов Даллеса – не имеет в рейхе опоры на те реальные силы, которые смогут удержать в стране порядок и не позволить Германии сделаться поживой для русских – в полной мере, а не так, как было решено в Ялте. От Брюнинга к Шлагу поступили данные, что Даллес начал переговоры с обергруппенфюрером Вольфом. Но и это не все: Шлаг – и это самое главное, с чем я к вам приехал, я не сказал об этом Борману, цените мою верность – высчитал, что операция Вольфа планировалась не только вашим другом и моим шефом, но и весьма серьезными силами в генеральном штабе и министерстве иностранных дел...

– Факты? – закашлявшись, спросил Мюллер.

Штирлиц понял, что тот специально закашлялся, не хочет, чтобы его голос присутствовал на пленке, кашель меняет голос до неузнаваемости, однако, отметил Штирлиц, на его пассаж про генштаб и дипломатов Мюллер клюнул, сразу же потребовал факты. «Ну что ж, я дам тебе факты, только плохо, что я не рассказал об этой моей идее пастору, они, я думаю, станут сейчас к нему подкрадываться... Надо сделать все, чтобы Мюллер, именно Мюллер, поручил мне поездку в Швейцарию. Я должен так повести себя во время *допроса*, а это допрос, ясное дело, чтобы оставить нечто такое на донышке, что сделалось бы совершенно необходимым Мюллеру... Нужен крючок, только б не переторопить дело, только б *повести* мне, только б разбудить в этом уставшем человеке фантазию... А как ее разбудишь? Интересом, личным интересом, он умный, он понимает, что думать сейчас надо только о себе самом, все проиграно. Но ведь и он заложник у Гитлера. Они все заложники, трусливые, маленькие заложники в руках больного, трясущегося маньяка... Вот ужас-то! Отчего такое возможно? Верно говорят: «не сотвори себе кумира». Они думали, что кумир приведет их к мировому могуществу, положит им под ноги человечество... Малая интеллигентность, отсутствие подлинного знания всегда рождает доктрины именно такого рода, а ведь учиться не все любят, детей же просто принуждают читать историю, штудировать иностранные языки... Доктрина национал-социализма рассчитана на лентяев, на тех, кто больше всего любит спортивные игры, развлекательные программы по радио и кружку пива вечером, после того как *отсидел* работу...»

– Факты любопытны, – сказал Штирлиц. – Хотя Шлаг мне далеко не все открывает – он многое держит в резерве, для торга, – но строй его логики в данном случае абсолютен. Вот его схема: почему Вольф был смещен в конце прошлого года с поста начальника личного штаба рейхсфюрера? Ведь это – крах, падение, нет?

Штирлиц посмотрел на Мюллера, ожидая ответа; тот молчал. Штирлиц, явственно представив, как медленно и шершаво тянется пленка в диктофоне, насмешливо спросил:

– Группенфюрер, вы не хотите, чтобы ваш голос был на одной пленке с моим?

Мюллер молча кивнул.

– Хорошо, я понял. Слово «Группенфюрер», которое я только что произнес, легко уберется, пленка, видимо, шведская, хорошо склеивается, рывка при прослушивании не будет... Продолжаю... Так называемое «падение» Вольфа было первой фазой операции, задуманной здесь, в Берлине, в этом здании... Следующей фазой было подключение генерального штаба, который обязан был дать согласие на назначение Вольфа заместителем командующего группой войск в Северной Италии. Армия – за подписью генерал-полковника Гудериана – дала такого

рода согласие. Нормы протокола требовали, чтобы факт приезда Вольфа в Италию был обговорен по дипломатическим каналам с правительством Муссолини. Переписка по этому вопросу хранится в архиве министерства иностранных дел. Черный мундир СС, наш с вами, столь тенденциозный, Вольф ловко сменил на зеленый френч – военный человек, каста *служивых*, во все времена генералы враждующих армий время от времени садились за стол переговоров... И произошло все это еще накануне нашего наступления против союзников в Арденнах. Значит, комбинация действительно готовилась загодя? Более того, Шлаг считает, что, когда Шелленберг арестовывал Канариса, один на один, без свидетелей, адмирал, видимо, отдал ему такие связи, которые обеспечили Вольфу вполне надежный контакт с Даллесом, и, если бы не моя... нет, скажем, наша с вами работа по пастору, переговоры наверняка могли бы закончиться полным успехом... Вы просили меня изложить факты; я изложил вам строй логического размышления пастора – это, если хотите, факты. Их только нужно тщательно проверить: кто конкретно готовил в штабе вермахта приказ о Вольфе для Гудериана? Шелленберг наверняка действовал через свои личные связи, а возможно, и через наиболее доверенную агентуру в армии. Ближе всех к Гудериану стоит Гелен. Его работа смыкается с той деятельностью, которой занимается второе подразделение Шелленберга. Может быть, он, Гелен?

Мюллер выключил запись, приблизился к Штирлицу, спросил:

– Имя Гелена вам назвал Шлаг?

– Нет.

– У вас есть какие-либо причины считать Гелена близким человеком Шелленберга?

– Нет... Допуск.

– Хитрите?

– Открыт как дитя.

Мюллер вдруг испугался; страх был неожиданным, ибо – в который уже раз! – он ловил себя на том, что Штирлиц словно бы читает его мысли, таинственным образом осведомлен о его поступках и наперед знает то, что он тайно от всех задумал. Раньше, до того еще как он получил данные о связях Штирлица с секретной службой, скорее всего русской, которые ныне позволяли расстрелять его здесь, в кабинете, такого рода угадывание *занимало* группенфюрера, но теперь он ощутил ужас оттого, что – впервые в жизни – осознал свою малость и трагическую безнадежность положения, в котором оказался из-за проклятого австрийского психа.

«А если сейчас спросить о его контактах с русскими в лоб? – подумал Мюллер. – Он дрогнет. Я увижу воочию его страх, и мне не будет так ужасно, как стало только что. Нет, – сказал он себе, – ты не имеешь на это права. Штирлиц – твоя козырная карта, и ты разыграешь ее так, чтобы побить ею любого туза. Но игра предстоит кровавая, и, если он поймет меня, почувствует, что я знаю что-то, но молчу, будет невосполнимый проигрыш».

– Ну хорошо, это любопытно – с Геленом, спасибо, Штирлиц. Вы оговорили связь с пастором?

– Да.

– Двустороннюю?

– Да.

– Отдадите мне его адрес?

– Конечно.

– Теперь вот что... Пограничная стража сообщила, что вы пересекали границу не один, но с дамой. Это верно?

– Нет. Неверно. Я перевез через границу не только фрау Кирштайн, но и двух ее детей.

– Кто она?

– Беженка. Ее муж работал у нас на заводах Круппа, специалист по часовой технике, швейцарец... Погиб... Она стояла на дороге, только что кончился налет варваров...

– Каков возраст детей?

- Грудные... Я, увы, плохо разбираюсь в их возрасте... Они очень пищали...
- Где она вышла в Швейцарии?
- В Берне.
- Возле отеля?
- Да.
- Название?
- «Золотая корона»...

Мюллер пожал плечами:

– Почему республиканская Швейцария так любит королевские названия, связанные с атрибутами тиранической власти?

– Я думаю, у нас вскорости названия всех отелей станут, наоборот, избыточно республиканскими... Каждый с обостренным интересом относится к тому, чего лишен сам.

– Хм, вероятно. В Берлине наверняка появятся отели «Русский двор», «Калинка» и «Самовар»...

– А в Мюнхене «Уолдорф Астория» и «Пансильвания», – добавил Штирлиц.

Мюллер кивнул, потянулся устало, спросил:

– А кого вы искали в пансионате «Вирджиния»?

– Вы следили за мной в Швейцарии?

– Я прикрывал вас.

– В таком случае отвечаю: в «Вирджинии» я искал профессора, который контактировал с пастором.

– Почему пастор сам не пошел в «Вирджинию»?

– Потому что я инструктировал его о мерах безопасности. Профессор... я запомнил его имя... не пришел к пастору на встречу... Весьма информированный человек, представлял какую-то группу в рейхе, глубоко законспирированную... Отчего-то покончил с собой...

Мюллер достал из кармана френча – ленивым, медленным жестом – маленький листочек, положил на стол перед Штирлицем:

– Именно он притащил на нашу конспиративную квартиру эту шифровку. Помните, я показывал ее вам, когда мне пришлось посадить вас в камеру? Любопытно, не правда ли? Шифр точно такой же, как у радистки, очаровательной молодой мамы...

«Если он заставит меня писать левой рукой, будет плохо, – подумал Штирлиц, разглядывая свою шифровку. – Надо заранее подготовиться к этому. Провал? Случай? Или он ведет игру? Но Борман вряд ли стал бы говорить со мной так, как говорил, сообщи ему Мюллер о своих подозрениях».

– Вы подозреваете меня, группенфюрер?

– В определенной мере.

– И какова эта мера?

– Я подозреваю вас в том, что вы начали свою игру. Эдакая, знаете ли, «мини-вольфи-ада»... А почему бы и нет? По-человечески я могу вас понять – в нашем государстве «национальной общности» каждый сейчас думает только о себе.

– А если я действительно веду такую игру? – медленно спросил Штирлиц. – Если я скажу вам, что я играю свою партию, не очень-то полагаясь даже на вас, хотя ваш план уйти в тот миг, когда здесь будет грохотать канонада союзников, представляется мне оптимальным. Ведь вы до сих пор не сказали мне: с кем мы станем уходить? Куда именно? Каким образом? Вы хотите быть хозяином предприятия, но я в ваше предприятие вкладываю не деньги, а жизнь. Поэтому я так трепетно и аккуратно вел себя с пастором.

– И так лихо упрятали куда-то его сестру с ублюдками, что бедный Айсман чуть не повесился? Где она?

– В Швеции.

- Не лгите.
- Тогда не спрашивайте.
- Но если я найду ее, пастор примет меня в вашу компанию?
- Он примет вас в компанию, если вы санкционируете мою с ним работу. Продолжение работы, так точнее.
- В чем она будет заключаться?
- В том, чтобы он, Шлаг, сделался фигурой, представляющей реальные силы в рейхе. Он, а не Шелленберг.
- Вы полагаете, что Даллес решится менять шило на мыло? Думаете, мое имя для него более заманчиво, чем имя Вольфа? Меня никто не вводил в комбинацию, как Вольфа, – ни Гиммлер, ни генеральный штаб, ни дипломаты... Я – фигура устрашения, дураку ясно.
- Но вы в силах организовать такие материалы на людей в штабе армии, что выломаете им руки и понудите их согласиться войти в *наше* дело... А с ними Даллес сядет за стол, невзирая на досадную неудачу с Вольфом.
- Когда у вас назначена встреча с Шелленбергом?
- Вы уже знаете...
- Его аппарат нами пока что не прослушивается.
- В девятнадцать тридцать.
- Найдите возможность задать ему вопрос: «От кого Сталин мог узнать о переговорах в Берне?»
- А у вас есть такого рода данные?
- Штирлиц, я попросил вас задать Шелленбергу вопрос и выслушать его ответ. Это все...
- Вы убеждены, что я выйду живым из его кабинета?
- Убежден. Я не убежден в том, что вы проснетесь завтра утром в вашем Бабельсберге, вот в чем я по-настоящему не убежден. Именно поэтому я прикрепляю к вам моего шофера... Да, да, шофера, у вас болит кисть правой руки, вам трудно водить машину, скажете об этом Шелленбергу... – Мюллер нажал на одну из кнопок в панели, в дверях тут же появился Шольц. – Где Ганс?
- Ждет.
- Пожалуйста, пригласите его.
- Вошел шофер.
- Ганс, с сегодняшнего дня ты станешь нянькой у этого человека, – сказал Мюллер. – Его жизни грозит опасность. Ты будешь ночевать в его доме, на первом этаже, ты никому не откроешь дверь, ни одной живой душе; мой знакомец не имеет права рисковать собою, ты должен быть неразлучен с ним и служить ему так, как служил мне и моему несчастному мальчику. Тебе ясно все?
- Мне ясно, группенфюрер.

Информация к размышлению – I (ОДЕССа³)

Идея создания этой тайной организации принадлежала Мюллеру. Он понимал, что спасение эсэсовских кадров после краха рейха будет трудным, практически невозможным делом, если уже сейчас, в марте сорок пятого, не конститутировать предприятие. Лишь *если* идею утвердят, можно будет финансировать создание надежных путей отхода эсэсовцев в Латинскую Америку, Испанию, Португалию и монархические арабские страны пронацистской ориентации. Покупать через подставных лиц особняки, автомобили, яхты, маленькие отели на побережье Средиземного моря, для того чтобы там *стали* опорные базы СС; вербовать иностранцев, которые будут работать на организацию; готовить надежную агентуру на границах, в полицейских аппаратах, в железнодорожных, авиационных и океанских компаниях мира.

Мюллер имел осведомителей, тесно связанных с Ватиканом, и знал, что сын Бормана, двадцатилетний Алоиз, был накануне принятия сана священника, что противоречило духу нацистской морали. Однако он не отступничал, а получил санкцию Гитлера на такого рода шаг; Мюллер предполагал, что рейхслайтеру удалось мягко *убедить* фюрера в том, что мальчик «жертвует светской карьерой» для того, чтобы внедриться в круги клерикалов, близких к папе, во имя идеи национал-социализма, но никак не вопреки ей.

И лишь в начале марта до Мюллера дошла информация, которая окончательно убедила его в том, что Борман готовит тайные каналы для перемещения по миру особо верных ему членов НСДАП, полагая, что для этого он сможет использовать связи с некоторыми священниками Ватикана из тамошнего ведомства иностранных дел, которые контактировали с Берлином начиная с тридцать третьего года, когда Гитлер еще только пришел к власти.

Мюллер пытался выяснить, как Борман строит свои потаенные каналы перемещения, но рейхслайтер умел хранить тайну. Тем не менее Мюллеру удалось получить данные, что ряд функционеров НСДАП, аккредитованных при посольствах в нейтральных странах, ведут активную работу, связанную с возможностью нелегальных перемещений по миру всех тех, кто мог быть объявлен военным преступником.

И тогда он дал понять Борману, что знает много больше.

– Ну и что? – спросил рейхслайтер, не поднимая на Мюллера глаза. – Допустим, мои люди действительно ведут подобного рода работу. Вы подозреваете кого-то из них в нечестном поведении? В своекорыстии? Они утаивают от меня факты? Лгут?

«Когда же он начнет говорить со мною откровенно? – подумал Мюллер. – Он постоянно недоговаривает, постоянно опасается чего-то, никому не верит... Тогда зачем он пригласил меня быть с ним во всех его начинаниях? Зачем он – после встречи со Штирлицем – говорил о необходимости постоянного сотрудничества, чтобы координировать общие действия? Когда он поймет, что нельзя не верить друг другу? Когда он начнет говорить правду?»

– Я никого ни в чем не подозреваю, рейхслайтер, особенно когда дело идет о ваших людях. Просто я думаю, что вам не с руки заниматься техническими вопросами – даже когда речь идет о таком важном узле, как судьба функционеров НСДАП. Техника – удел техников вроде меня, а не политиков... Ваши недоброжелатели – узнай они об этом – не преминут обвинить вас в пораженчестве; подчеркнут, что существует отдел заграничных организаций НСДАП во главе с Боле, зачем же создавать дублирующую организацию; большевики будут разбиты под Берлином, победа близка, и все такое прочее... А моя фирма вправе просить санкцию на создание запасного тайного центра, который позволит нам – в случае трагического исхода битвы – спасти сотни тысяч верных бойцов национал-социализма. Я замотивирую необходимость этого тем, что среди ряда наших дипломатов и военных бытует мнение о возмож-

³ ОДЕССа – глубоко законспирированная организация членов СС, функционирующая поныне.

ности сепаратного мира; такого рода отщепенцы не имеют права оказаться безнадзорными за границей; необходимо срочно бросить за рубеж моих людей, которые будут следить за мерзавцами в любом уголке мира, пресекая их преступные попытки... Я даже готов для этого попросить у Шелленберга какие-нибудь данные про то, что, мол, в Латинской Америке зреют семена восстания против янки; это, я думаю, заинтересует фюрера – наступательный аспект, а ему это сейчас словно бальзам на раны...

– А что? – Борман почесал мочку уха. – Хорошее предложение. Составляйте меморандум, я постараюсь убедить фюрера в разумности предложения такого рода. У вас есть прикидки?

– У меня уже отлажены каналы для тайного перемещения нужных людей из рейха в безопасные места. В Европе есть отели, которые можно взять даром; в портах Латинской Америки стоят яхты без хозяев, их можно приобрести за полцены у дальних родственников... У меня все готово, но мне нужна санкция на действия; вы же понимаете, что активность моих людей за границей сразу же будет замечена резидентами Шелленберга, следовательно, Гиммлер задаст мне вопрос: «с какой целью? для кого? кто санкционировал?».

– Ну, а если два первых вопроса из упомянутых вами трех поначалу задам я?

– Отвечаю... Вам – отвечаю... В моем распоряжении сейчас семьдесят тысяч великолепных документов – паспорта, водительские лицензии, нотариальные свидетельства – из Парагвая, Аргентины, Португалии, Испании, Египта, Сингапура, Чили... Проведены беседы с семью тысячами тех членов СС, которые представляют интерес для нашей будущей работы: активны, умны, молоды, оборотисты... Чтобы опробовать ряд каналов исхода, я санкционировал игру: отправил одного из моих коллег по фальшивому паспорту через всю Германию с приказом нелегально пересечь нашу границу со Швейцарией, затем попасть в Италию, пробраться в Рим и поменять мою фанеру на ватиканский подлинник.

– Кто у вас в Ватикане? – тяжело спросил Борман.

– Я готов передать вам списки, я путаюсь с итальянскими фамилиями.

– Спасибо. Мне будет интересно посмотреть, я совершенно не информирован по Ватикану, – заметил Борман. (И Мюллер снова подумал: зачем постоянно лгать? Какой прок? Ведь на Ватикан замкнут сын Алоиз.) – Продолжайте, – попросил Борман. – Я слушаю.

– Я предупредил этого человека, – вздохнув, сказал Мюллер, – что в случае провала – случись он в рейхе ли, в Швейцарии, или Италии – я ему помощи не окажу, отрекусь, *предам*, все должно быть приближено к боевой обстановке...

Мюллер пошарил по карманам, достал смятый бланк международной телеграммы, протянул Борману.

– Что это? – спросил тот.

– А вы посмотрите... Он уже прислал мне весточку из Буэнос-Айреса... На текст не обращайте внимания... Расшифровывается это так: «Устроился работать агентом по рекламе в испанской фирме «Куэнья». Могу приобрести два дома в пустынном районе возле Пунта Аренас, где возможен прием судов среднего каботажа и подводных лодок. Требуется сорок тысяч долларов. Готов внедрить трех коллег. Обмен документов в Ватикане прошел идеально».

– Полагаете, что таким образом можно будет организовать новые резидентуры СС повсюду?

– В России – вряд ли, – хмыкнул Мюллер. – А вот в Латинской Америке, там, где сильны наши позиции, дело пойдет.

– Сколько времени шел туда ваш молодой коллега?

– Пять месяцев.

– Следовательно, уже в ноябре прошлого года вы думали про то, как спасать ваших людей – после поражения? Не слишком ли рано вы стали хоронить рейх?

– Я понял, – жестко ответил Мюллер, – что рейх ждут похороны уже в феврале сорок третьего, после Сталинграда.

– Вы смеете говорить мне такое?!

– Рейхсляйтер, но ведь ваши люди начали работать в этом же направлении еще раньше...

– Мои люди были, есть и будут верны фюреру, который убежден в победе!

Мюллер кашлянул, прикрыв рот ладошкой:

– Я теряюсь, когда ощущаю недоверие... По-моему, время неискренности кончилось...

Пора бы говорить друг другу правду...

Борман поднялся, походил по кабинету, потом остановился возле окна, прижался лбом к стеклу и, не оборачиваясь, сказал:

– Изложите мне структуру организации. Из каких подразделений она состоит. Как и через кого будут поддерживаться контакты с иностранцами. Количество привлеченных – сейчас и в последующем. Принцип отбора членов. Кто будет утверждать кандидатов. Каков статут членов их семей. Форма связи между членами организации в разных регионах мира. Где будет дислоцироваться штаб. Его структура. Кто будет отдавать приказы. Их форма...

Мюллер снова кашлянул, подумав, что главный вопрос – о штабе и его структуре, то есть, говоря языком нормальным, о том, кто станет во главе тайной организации, – Борман задал в самом конце, подбросив его как нечто второстепенное, хотя ясно, что на самом деле это интересует его прежде всего.

Приняв, однако, игру рейхсляйтера (поди не прими!), Мюллер начал отвечать в той последовательности, которую предложил Борман:

– Структура организации видится мне двухслойной, на первых порах мы легендируем ее как тайный консорциум, призванный – в случае необходимости – обеспечить спасение офицеров СС, которые – согласно декларации Сталина, Рузвельта и Черчилля – признаны военными преступниками, все скопом, без разбора, за то лишь только, что служили в главном управлении имперской безопасности и армии. Поскольку *исчезновение* моих людей невозможно в Германии – все они были на виду, а мы знаем, какой разгул предательства возникает после государственного краха, – речь может и обязана идти о передислокации наиболее ценных борцов СС за границу. Однако второй, истинный строй структуры организации состоит в том, чтобы уже сейчас заложить наши опорные пункты во всех регионах мира для продолжения нашей борьбы в будущем. Контакты с верными нам иностранцами закрепят те офицеры, которых мы передислоцируем немедленно; пропаганда Геббельса работает отменно, издали все видится иначе, чем вблизи. К тому же грамотных, к счастью, немного. Люди больше верят слухам, поэтому сейчас еще есть возможность работать в обстановке наибольшего благоприятствования в Аргентине и Парагвае, в Испании и Португалии; мы еще до конца не использовали возможности наших японских боевых союзников в Сингапуре и Индонезии, в Бирме и на Борнео. А ведь именно там традиционно сосредоточены крупнейшие торговые точки, связанные с Лондоном и Канадой, – прекрасный путь для внедрения в Америку и Европу... Думаю, вы простите мне несанкционированное своеволие: я уже проговорил с моими друзьями из наших автомобильных, химических и авиационных концернов некоторые аспекты перспективного плана создания в тех регионах Азии своих филиалов... Союзники, конечно, поначалу не откажут себе в удовольствии полютовать, возможны санкции против наших промышленников, но экономика сильнее эмоций, куда Западу деться без Германии?

– Концерны представили вам соображения в письменном виде?

Мюллер улыбнулся:

– Разве они пойдут на это, рейхсляйтер?

– А почему бы и нет?

– Да потому, что они боятся ваших представителей в правлениях. Если бы они получили санкцию, тогда другое дело – развернутые предложения будут составлены за неделю...

– И потом станут известны союзникам... А те будут приятно удивлены, отчего этим перспективным проектом так интересовался человек по фамилии Мюллер... Все, что происходит, то происходит – так или иначе – к лучшему.

– Ну уж и все, – вздохнул Мюллер. – Не все, рейхсляйтер, хотя в данном случае вы снова правы – я недодумал возможность утечки информации.

– Значит, не всегда ошибается Борман? Иногда и у него бывают не совсем бесполезные мысли? – усмехнулся рейхсляйтер. – Дальше, пожалуйста.

– Что касается числа привлеченных в тайную организацию СС, то я сейчас затрудняюсь назвать точную информацию, но, по предварительным подсчетам, у меня получается что-то около тридцати тысяч...

– Каков принцип предварительного подсчета?

– Опять-таки, если бы я позволил себе признаться, что этот подсчет был по-настоящему необходим уже пару лет назад, если бы мы взяли за непреложное правило допускать в начале предприятия возможность проигрыша, а не только победу, я бы продумал систему, и, поверьте, это была бы неплохая система... А сейчас мне пришлось пойти по весьма примитивному пути: я начал с того, что вспомнил пару сотен людей из моего аппарата, которые просто-таки обязаны быть спасены... Все руководители моих референтур по русскому, украинскому, польскому, французскому, еврейскому, испанскому секторам, все те, кто осуществлял надзор за промышленностью и банками, те, кто курировал вопросы идеологии, церковь, молодежные организации, те, кто осуществлял руководство работой в концентрационных лагерях, обязаны – если, конечно, вы одобрите мою задумку – начать уже сейчас подготовку к передислокации в заранее подготовленные центры... Опорные базы я берусь наладить в Базеле, Асконе, Милане, Ватикане, Пальма-де-Мальорке, Барселоне, Мадриде, Лиссабоне, Буэнос-Айресе, Асунсьоне...

Борман посмотрел на карту мира, заметив:

– Вполне конкретная линия... Неплохо...

– Что касается принципа отбора, то здесь, конечно, возможны определенные издержки, опять-таки из-за фактора времени... Далеко не все руководители отделов гестапо – мои люди: Кальтенбруннер часто назначал своих протеже – тех, кому он патронировал... Так что я не могу полагаться на абсолютную компетентность всех моих подчиненных в областях... Но в Гамбурге, Мюнхене, Осло, Ганновере, Любеке, Копенгагене, Фленсбурге, Бремене, Вюрцбурге, Милане, Веймаре, Дрездене у меня сидят вполне надежные люди, я им верю абсолютно, они думают так же, как я. Если разрешите, я поручу именно им составить списки. – Мюллер хмыкнул. – Конечно же устно, никак не фиксируя это в документах... Что касается утверждения кандидатов, то доверьте мне провести предварительный отбор, а уж вы благословите его окончательно. Что касается членов семей будущей организации СС, то они должны быть поначалу убеждены, что кормилец погиб... Только так, хоть и жестоко... Иначе начнут искать... А за их поиском будут наблюдать враги, и это приведет к расшифровке всего дела. Что касается форм связи между будущими региональными группами, то этот вопрос смыкается с вашим вопросом о штабе. Я полагаю, что штаб придется возглавить мне... Если бы вы санкционировали при этом еще одну для меня должность – специальный помощник фюрера НСДАП Бормана по вопросам СС, – тогда предприятию была бы придана та весомость, которая позволит провести всю необходимую работу в максимально короткий срок. Понятно, такого рода должность, – Мюллер улыбнулся, – также не должна фиксироваться в документах, во всяком случае пока что...

– Вы забыли фамилию моего друга Гиммлера... Его пока еще никто не смещал с должности рейхсфюрера СС...

– Сместят. Надо, чтобы сместили, – спокойно ответил Мюллер. – Вы же понимаете, что одиозность рейхсфюрера не позволит ему жить в подполье... Да и потом...

– Что?

Мюллер пожал плечами, вздохнул.

– Договаривайте, пожалуйста, – сердито сказал Борман, – это невежливо – обрывать мысль на полуслове.

– Он – ваш враг, рейхсляйтер, зачем же брать его в расчет? Его надо выводить из расчета.

– А Кальтенбруннер? – задумчиво спросил Борман. – Почему бы ему не стать фюрером организации, а вам – его начальником штаба и заместителем?

– Потому что я не верю Кальтенбруннеру, – ответил Мюллер.

– У вас есть к этому основания?

– Есть.

– Изложите.

Мюллер покачал головой:

– Не стану, рейхсляйтер. Пожалуйста, простите меня, но я не стану этого делать... Я никогда не был доносчиком, увольте... Вы сами можете убедиться в правоте моих слов, проверив Кальтенбруннера...

– Каким образом? – деловито осведомился Борман.

– А вы попросите его поработать с Канарисом...

Борман удивился:

– Почему именно с Канарисом?

Мюллер ответил жестко:

– Я сказал вам то, что счел возможным сказать, рейхсляйтер...

Борман пожал плечами, снова поднялся, походил по кабинету, потом спросил:

– Как вы намерены назвать нашу тайную организацию офицеров СС?

– По первым буквам: ОДЕССа... И огромное вам спасибо за то, что вы назвали ОДЕССу *нашей* организацией...

– Разворачивайте работу, Мюллер... И как следует продумайте, чтобы трасса *нашей* ОДЕССы начиналась из Берлина, отсюда, из рейхсканцелярии... Оборудуйте запасные штабы этой трассы здесь, в Берлине, потому что грядут уличные бои, да, да, именно так... Подвалы, метрополитен, подземные коммуникации – все это обязано стать знакомо вам так, чтобы вы ориентировались в этом лабиринте, как поп в Ветхом Завете...

Душное ощущение кольца

– А почему бы вам самому не пустить себе пулю в лоб, штандартенфюрер? – спросил Шелленберг, положив свою мягкую, женственную руку на плечо Штирлица. – Гарантирую отменные похороны.

– Я – логик, – ответил Штирлиц. – Люди моей породы боятся переторопить события: шлепнешься, а через час выяснится, что ты нужен живым...

– Мне-то как раз вы значительно более выгодны мертвым.

– Чтобы было на кого свалить провал переговоров Вольфа с Даллесом?

Шелленберг вздохнул:

– Конечно... Ну, выкладывайте, о чем говорили с Мюллером...

– Об операции в Швейцарии.

– Признайтесь честно: на чем он взял вас?

– На знании. Он знает больше меня. Он знает все.

– Если бы он знал все, вы бы висели на дыбе, а меня бы держали в одной камере с Канарисом. Он знает только то, что ему полагается знать. А вот мне снова нужен ваш поп... И кто-то еще, через кого мы будем гнать дезинформацию вашему новому покровителю Мюллеру. Вас интересует, почему я говорю с вами так открыто, несмотря на то что вы провалили дело?

– Не я.

– А кто?

– Мы. Все мы. А в первую очередь Вольф.

– Вы думаете, что говорите?

– Думаю, думаю, постоянно думаю... Так почему же вы продолжаете быть со мной откровенным, несмотря на то что я провалил дело?

– Потому что вы отдаете себе отчет: связывать себя с Мюллером накрепко – безумие. Мы, разведка, можем вынырнуть. Он, гестапо, – обречен на то, чтобы утонуть... Вы действительно уже побывали у него?

– Да.

– Он вызвал вас? Не поставив меня в известность?

– Вы же все прекрасно знаете, бригаденфюрер... Я думаю, офицер пограничной стражи на нашем «окне» возле Базеля, где я переправлял пастора Шлага, был перевербован Мюллером, как-никак это «окно» было вашим личным, по материалам гестапо оно не проходило... Через этого офицера Мюллер вышел на пастора. За стариком пустили «хвост», в Швейцарии пока еще сильны позиции баварца; в объекте интереса пастора оказался – согласно нашему с вами плану – Даллес. Тот вывел его на Вольфа; молодая нация, разведку только-только ставят, опыта мало – *засветились*. Поскольку пастор числится за мной, Мюллер загнал меня в угол. Он не сказал мне и сотой доли того, что знает. Но он знает все. И об этом нашем разговоре я обязан буду ему доложить... Будь прокляты волчьи законы нашей фирмы, но не я ее основал.

– И не я... Что вы ему отдадите из нашего разговора?

– То, что вы позволите...

Шелленберг поднялся, походил по кабинету, остановился возле книжного шкафа, достал книгу в старинном переплете (сафьян с золотым обрезаем), открыл нужную ему страницу (была заложена красной тесемочкой) и зачитал:

– Отец иронии и юмора Свифт уже в молодости предсказывал, что его ожидает помешательство. Гуляя однажды по саду с Юнгом, он увидел вяз, лишенный на макушке листы. Свифт сказал Юнгу: «Я точно так же начну умирать с головы». До крайности гордый с высшими сановниками, Свифт охотно посещал самые грязные кабаки и там проводил дни и ночи в обществе картежников, бандитов и потаскух. Будучи священником, он писал книги антирели-

гиозного содержания, так что о нем говорили: «Прежде чем дать ему сан епископа, его следует заново окрестить». А сам про себя он написал так: «Слабоумный, глухой, бессильный, неблагодарный». Непоследовательность его была поразительна: он был в отчаянии, когда умерла Стелла, его любимая женщина, но, чтобы успокоиться, писал комические «Письма о слугах». Через несколько месяцев после этого Свифт лишился памяти, но язык его был по-прежнему острым как бритва. Потом он провел год в полнейшем одиночестве, затворившись в комнате, ничего не читая и не сочиняя. Он отказался от мяса и впадал в бешенство, когда слуга появлялся на пороге. Однако, когда он покрылся чирьями, разум его просветлел, и Свифт начал постоянно повторять: «Я – сумасшедший». Потом он снова впал в состояние полнейшей прострации, но порою ирония вспыхивала в нем с прежней силой. Когда за несколько месяцев до смерти в его честь была устроена иллюминация, Свифт заметил: «Пусть бы эти сумасшедшие не сводили с ума окружающих». Незадолго перед кончиной он написал завещание, отказав одиннадцать тысяч фунтов стерлингов в пользу душевнобольных. Он также сочинил эпитафию, которая служит выражением ужасных нравственных страданий, постоянно его мучивших: «Здесь похоронен Свифт, сердце которого уже не надывается более от гордого презрения»... – Шелленберг поставил книгу на место, резко обернулся к Штирлицу: – Вы понимаете, зачем я прочитал вам это?

- Видимо, хотите помочь мне понять подлинный психологический портрет Мюллера?
- Мюллер работает на рейхслайтера Бормана, и вам это прекрасно известно.
- На Бормана этот отрывок не проецируется, бригаденфюрер.
- Сердце бедного Бормана уже давно разорвалось от гордого презрения к окружающим,

Штирлиц. Он продолжает жить с разорванным сердцем...

«И этот планирует меня для какой-то комбинации, – понял Штирлиц. – Они все что-то знают, а я не могу взять в толк, что именно. Меня *играют*, и если я не пойму, в каком качестве, то, видимо, часы мои сочтены. А что, если и Мюллер, и Шелленберг начали свою партию купно? Обменялись суждениями? Видимо, да, слишком точен и тот и другой в вопросах, никаких повторов. Но это – в мою пользу. Их подводит страстная тяга к порядку, они расписали свои роли; им бы следовало спотыкаться, повторять друг друга, быть самими собою... «С кем протекли его боренья, – в который уже раз вспомнил он стихи Пастернака, он прочел их в журнале, купленном им на парижском развале осенью сорокового года, – с самим собой, с самим собой!»

– Что ж, – сказал наконец Штирлиц. – С разорванным сердцем можно поскрипеть, если хорошо работает печень, сосуды, почки и мозг. Если человек, сердце которого порвалось от «гордого презрения», имеет в голове такое, что иным и не снилось, тогда он может существовать...

– Оп! Умница! Вы – умница, поэтому я прощаю вам то, чего не простил бы никому другому. Вы оказались посвященным в мое дело, Штирлиц, хотел я того или нет. Значит, мне нет нужды более таиться от вас. Если я удостоверюсь в вашей неискренности, вы знаете, как я поступлю, мы не бурши, чтобы пугать друг друга словесами перед началом драки... Так вот, если мне понятно, о чем думает наш с вами шеф, рейхсфюрер, о чем мечтает преемник Гитлера рейхсмаршал Геринг, о чем говорят между собою Гудериан, Типпельскирх и Гелен, считая, что в их кабинетах, проверенных связистами вермахта, нет аппаратуры прослушивания, то ни я, ни вы не знаем, о чем думает Борман. А он очень предметно думает о близком будущем, не находите?

- Думаю, вы ошибаетесь. Он неразделим с фюрером.

– Штирлиц, не надо. Он был неразделим с заместителем фюрера Штрассером и предал его. Он был неразделим с вождем СА кумиром национал-социализма Эрнстом Ремом и участвовал в его убийстве, он был неразделим с фюрером нашей партии Гессом и предал его, пока

петух вообще еще даже и не кукарекал... Вы понимаете, отчего я так открыто говорю с вами? Я ведь раньше никогда так обнаженно не выявлял затаенную суть проблемы... Понимаете?

– Нет.

– Жуков вот-вот начнет штурм Берлина, Штирлиц. А это – конец, хотя на Зееловских высотах мы можем на несколько дней остановить их танки... Гелен доложил фюреру этой ночью, что силы русских превышают наши в пять раз. Вот так-то. Я это слышал своими ушами. Вы намерены погибать под обломками нашего государственного здания? Я – нет. Вот вам моя рука, пожмите ее и поклянитесь, что вы станете служить лишь моему делу – так, чтобы мы ушли отсюда вдвоем... Или втроем...

– А кто будет третьим?

Шелленберг долго молчал, потом ответил вопросом:

– А если третьим будет Мюллер?

– Вы наладили с ним хорошие отношения во время моего отсутствия?

– С ним невозможны хорошие отношения. Но с ним возможны деловые отношения. А его дело – это жизнь. И за это дело он готов подраться.

– А вам не кажется, что Мюллер будет той гирей на ноге, которая вас утопит?

– Нас, – поправил его Шелленберг. – Нас, Штирлиц. Не сепарируйтесь, не надо. Мюллер полон такой информацией, которая нам с вами и не снилась. Он занимался «Красной капеллой» русских, я подключался лишь к заграничным операциям, он вел расследование лично, здесь, в Берлине. Он оставил кое-что про запас, он никогда не сжигает все мосты, он – я убежден – бережет какие-то точки опоры, ожидая новых гостей из Москвы...

«Может быть, радисты, переданные мне, которые были внедрены в Веддинг и Потсдам, тоже ждут гостей? – подумал Штирлиц. – Почему нет? И первым гостем окажусь я».

Шелленберг закурил свой «Кэмел», внимательно проследил за тем, как догорела провожденная спичка, положил ее в пепельницу дирижерским жестом правой руки и продолжил:

– Он вел дело особо законспирированной группы русской разведки, на которую я вышел в конце сорокового года, вы, верно, помните эту работу...

– Помню, – ответил Штирлиц. (Еще бы не помнить – провал той группы чуть не стоил ему головы: один из участников подполья не выдержал пыток, сломался, дал показания; к счастью, Штирлиц ни разу не контактировал с ним; тот человек, который был у него на связи, выбросился из окна кабинета следователя.)

– Он вел дело Шульце-Бойзена и Харнака, и он знает, что какие-то люди из этой группы остались, легли на грунт. Он вел дело Антона Зефкова... Я не говорю о том, что ему известно многое обо всех без исключения участниках заговора двадцатого июля... Это не очень-то интересует тех на Западе, кто уже сейчас подкрадывается к тайнам русской разведки в рейхе, но, тем не менее, этим человеком является Даллес и, понятно, сэр Уинстон, но впоследствии этот интерес будет пожирающим, маниакальным.

– Даллеса и сейчас занимает все, связанное с участниками заговора генералов, бригаден-фюрер, – заметил Штирлиц. – Ему нужна легенда, он обостренно интересуется этим делом, поверьте. Хотя, вы правы, русская разведывательная сеть в рейхе занимает сейчас Даллеса в первую голову. Полагаете, что Мюллера – коли он возьмет с собою все наши досье – не вздернут?

– Если попадется сразу после краха – могут впопыхах и вздернуть... Но ведь в условиях нашей задачи обозначен главный посыл: не попасться... Особенно в первые месяцы, потом – не так страшно; горячие головы поостынут, эмоции улягутся, делом надо будет заниматься, серьезным делом...

– Полагаете, Мюллер тоже знает, как уйти?

– Бесспорно. Он готов к этому лучше всех.

– Факты?

– Есть факты. Я их *знаю*, Штирлиц, и я дал ему понять, что знаю. Он ценит силу. Он оценил мою силу. Его знание русского вопроса делает наш союз крайне ценным, мы станем некоего рода консультационной конторой – «выполняем заказы за наличный расчет, деньги пересылать в Парагвай, столица Асунсьон, качество гарантируем»... И чтобы эта моя задумка обрела форму реальности, нам нужны два человека... Один из них должен быть запятнан еврейской кровью. Не чистый, конечно, еврей, а четвертькровка, а еще лучше восьмушка, у Эйхмана есть отменная картотека. Вы должны поработать с ним, прежде чем пустите его в комбинацию...

– В какую именно?

– Перебросьте его в Швейцарию. Что ему там делать? Скажу позже, дам имя человека, на которого его надо будет вывести. Цель? Наше желание спасти от фанатиков тех несчастных евреев, которые обречены на уничтожение в концентрационных лагерях.

– Во-первых, я пока не знаю, с кем мне предстоит заниматься, бригаденфюрер. Во-вторых, я не представляю, к чему мне готовить этого человека, допусти мы, что у Эйхмана есть нужный нам персонаж.

Шелленберг снова закурил, вопрос Штирлица словно бы не слышал, продолжал свое:

– А второго человека зовут Дагмар Фрайтаг. – Шелленберг подвинул Штирлицу папку. – Ознакомьтесь у себя в кабинете, только потом вернете мне. Это – невероятная женщина: во-первых, красива, во-вторых, талантлива. Ее мать шведка. Вы должны будете в течение трех-пяти дней – не более того – перебросить ее в Стокгольм, проработав методы и формы связи. В Стокгольме она – как доктор филологии, специалист по скандинавским рунам – будет обязана не столько заниматься изысканиями германо-скандинавской общности в Королевской библиотеке, сколько подходом к семье графа Бернадота. Ясно? Я начинаю тур вальса с графом, Штирлиц. Мюллер намекнул, что ваше имя известно партайгеноссе Борману, вы ведь встречались с советником нашего посольства в Берне, который отвечает за дела партии, не так ли? Видимо, Борман именно поэтому заинтересовался вами, следовательно, вы гарантированы – на какое-то время – от любого рода неожиданностей со стороны Кальтенбруннера или того же Мюллера. Но если рейхсляйтер Борман узнает о Бернадоте так, что это нанесет ущерб моему делу, я пристрелю вас сам, здесь, в этом кабинете, вы понимаете меня?

– Я понимаю, что зажат в угол, бригаденфюрер. Я допускаю, что за каждым моим шагом следят, я чувствую, что в каждом моем слове ищут неправду. Что ж, так даже интереснее жить. Но убивать меня – даже в этом кабинете – неразумно, и обернется это против вас страшным, непоправимым ударом. Разрешите идти?

Глаза Шелленберга замерли, что-то болезненное, тяжелое возникло в них; спросил он тем не менее усмешливо и добродушно:

– Вы сошли с ума?

– Я не Свифт, бригаденфюрер. Я гарантирован, как и все мы, смертью, но только не от умопомешательства.

– Извольте объяснить, что вы имели в виду, когда пугали меня!

– Нет, я не буду этого делать.

– Как вы смеете, Шти...

– Смею! – Штирлиц, оборвав Шелленберга, поднялся. – Все кончено, бригаденфюрер. Все. Нет начальников, нет подчиненных. Есть умные люди и есть дурни. Есть люди знающие, а есть люди темные. Поражение раздевает общество, обнажает хорошее и дурное, никаких поблажек; только правда; выживут те, кто имеет голову на плечах, кто знает и помнит. Так что сейчас вы заинтересованы во мне совсем не меньше, чем я в вас. А коли нет, то бог с вами. Смерти я не боюсь, ибо тайком, несмотря на запрет фюрера, верю во всевышнего.

Шелленберг поднялся из-за стола, походил по кабинету, хрустко забросив руки за спину, потом остановился возле окна, заклеенного крест-накрест бумажными лентами, чтобы стекло не так часто вылетало из-за взрывных волн, вздохнул, сказал горько:

– А вы мне все больше нравитесь, Штирлиц. Экий мерзавец, а?! А в общем-то, все верно: мы, верхние, проиграли страну, вы имеете право на позицию, каждому свое. Идите. И найдите мне у Эйхмана умного, несчастного, но отчаянного еврея. Он должен вступить в контакт с раввином швейцарской общины в Монтрё и с экс-президентом Швейцарии Музи – как мой личный представитель. А вот чем он будет торговать и за какую цену, я скажу вам после того, как вы мне доложите: «Он готов к делу, и, если он нас предаст, я пушу себе пулю в лоб». Такой поворот вас устраивает?

Штирлиц кивнул и устало сказал:

– Хайль Гитлер!

...Мюллер смотрел на Штирлица тяжело, сосредоточенно, с открытой неприязнью.

– Да, – сказал он наконец, – вы правильно посчитали мои ходы. Я действительно вошел в *дело*. Да, я действительно уговорился с Шелленбергом о координации кое-каких шагов. Да, действительно, я готовлю те досье, которыми можно будет торговать в скором будущем с людьми Даллеса. Да, действительно, мой Ганс станет сообщать мне о вас все, но более всего он должен следить за тем, чтобы Шелленберг не убрал вас, когда вы сделаете то, что он вам поручил. Поэтому – не торопитесь, Штирлиц. Не торопитесь! Сделайтесь нужным Шелленбергу в такой мере, чтобы он без вас *заплавал*. Знаете этот боксерский термин? Или вы все больше по теннисным? И не вздумайте так открыть себя перед Борманом, как открываетесь передо мною. Мы с Шелленбергом, увы, вынуждены ценить ум других; Борман лишен этого качества, ибо никогда не занимался практической работой; давать указания – легко, провести их в жизнь – куда сложнее.

Мюллер поднялся, отошел к сейфу, открыл массивную дверь, достал папку, положил ее перед Штирлицем.

– Это досье адмирала Канариса. Не обращайте внимания на игривость стиля, несчастный был неисправимым оригиналом, однако то, что здесь собрано, прояснит, отчего я надеюсь на спасение. Я имею в виду схватку американцев с русскими, ибо лишь это даст нам возможность *остаться*. Читайте, Штирлиц, я верю вам, как себе, читайте, вам это надо знать...

«Источник, близкий к Белому дому, сообщил мне, что еще летом сорок первого года президент Рузвельт дал указание создать ОСС – «Отдел стратегических служб»⁴, организацию, которой было вменено в обязанность заниматься политической разведкой и «черной пропагандой», направленной против стран оси.

Предприятие курирует пятидесятивосьмилетний Вильям Джозеф Донован, которого называют «диким», – республиканец школы президента Гувера, то есть поклонник «сильной руки»; открытый противник правящей демократической партии Рузвельта; ирландский католик, то есть бунтарь по натуре, отвергающий любые авторитеты, кроме, понятно, своего; миллионер, хозяин адвокатской фирмы, обслуживавшей некоронованных королей Уолл-стрита. После назначения шефом ОСС «дикий Билл» сразу же вошел в конфликт с одним из самых близких Рузвельту людей – с драматургом Робертом Шервудом, тем, кто писал костяки всех речей президента и был поэтому направлен на работу в «Отдел» одним из первых.

Всякая идея обретает свое воплощение в практике под влиянием того, кто руководит повседневной работой; всегда даже в самый идеальный замысел коррективы вносят не те, которые *придумали*, но те именно, которые взялись за то, чтобы придумку сделать явью.

По первоначальному замыслу Рузвельта, все было сконструировано таким образом, чтобы ОСС подчинялся объединенным штабам армии, флота и авиации, но Донован, ветеран Первой мировой войны, награжденный тремя высшими наградами Америки, смог сепарировать ОСС от армии и флота.

⁴ ОСС – в настоящее время ЦРУ.

Будучи великолепным тактиком, Донован умел хитрить; он набрал в ОСС много таких сотрудников, которые окончили Вест-Пойнт, то есть считались людьми армии, кадровыми военными, – это успокоило генералов; после этого «дикий Билл» открыл двери ОСС для «штатских» – тех, кто представлял интересы корпораций и банков. А поскольку так уж завелось в Америке, что учебные заведения получают финансовую поддержку не от государства, но от корпораций, отслуживая им это *наукой*, то вместе с руководителями промышленности и финансов в ОСС пришла ведущая профессура наиболее престижных университетов.

Когда Донован собрал вокруг себя штаб верных ему людей, среди которых на первых порах выделялись представитель «Юнайтед Стейтс стил корпорейшен» Луис Рим, магнат с Гавайев мультимиллионер Атертон Ричардс, профессор Гарвардского университета Джеймс Крафтон Роджерс и банкир из Нью-Йорка Джеймс Варбург, начальник ОСС сказал:

– Друзья, начиная любую работу, следует отдать себе отчет в том, каким мы хотим видеть ее результат. Если работать, оглядываясь на бюрократов из государственного департамента, мы не сдвинемся с мертвой точки; дипломатия – наука легальных возможностей, в то время как наше дело нелегально с самого начала. Если мы решим подстраховаться от наскоков государственного департамента и начнем консультировать наши шаги с армией, те замучают нас согласованиями и субординацией; великое право армии – открытый удар, завоевание пространства, наше дело не имеет ничего общего и с этой доктриной. Мы обязаны знать все, что происходит в мире, мы обязаны не просто понимать тенденции развития в Риме, Бангкоке, Берлине или Мадриде, мы должны организовывать эти тенденции, растить людей, формировать мнения, готовить впрок партии и премьеров, чтобы уже потом с ними, то есть с нашими кадрами, занимался государственный департамент, а если потребуется – армия. Ради Америки мы готовы остаться в тени, пусть лавры победителей достанутся тем, кто позирует репортерам; большой бизнес, на котором состоялись Штаты, не любит рекламы, он предпочитает свободу рук во имя великого действия. Деньги у нас есть, за работу надо уметь платить, кто, как не Уолл-стрит, знает это; поэтому вы не имеете права мелочиться, вы должны поддерживать риск; свобода рук нашим сотрудникам гарантирована – только в этом случае мы построим такой аппарат тайного знания, который будет нужен Америке отныне и навсегда! Имейте в виду, думать следует не о сегодняшнем дне, и даже не о завтрашнем: Германия обречена, войну на два фронта не дано выиграть ни одной державе; наша задача заключена в том, чтобы уже сейчас думать о будущем того мира, в котором станет жить Америка...

Донован был прекрасным оратором: он дважды выдвигался на пост вице-губернатора и губернатора Нью-Йорка от республиканцев, он умел убеждать – даже Рузвельта; был смелым человеком, воевал на передовой, поэтому не боялся брать на себя ответственность («Единственно, о чем я жалею, – говорил он в узком кругу друзей, – так это о том, что был слишком молод в восемнадцать, когда служил в России, в нашем экспедиционном корпусе; наши болваны жили в эмпиреях – «вот-вот большевики рухнут сами», – а они сами никогда не рухнут, а если бы я имел тогда свободу рук, я бы знал, как вернуть в Петербург Керенского»); он имел прекрасные связи с теми, кто *платит* в Америке. Он поэтому начал работу широко и всеохватно.

– Не страйтесь самых сомнительных контактов, – не переставал повторять Донован своим сотрудникам. – Ищите людей всюду, где только можно; если бы я был убежден, что приглашение Сталина на пост вице-директора ОСС принесет успех делу, я бы не задумываясь просил его занять кабинет напротив моего и поддерживал бы с ним самые добрые отношения – до того дня и часа, когда с Гитлером будет покончено...

Главным отделом ОСС стало управление исследований, поисков и анализа. Не только банкиры, выпускники Вест-Пойнта и юристы собрались здесь, но и цвет американской журна-

листики, начиная с Джозефа Олсопа и кончая Уолтом Ростоу. Возглавляли работу профессора Шерман Кент⁵ и Эврон Киркпатрик⁶.

Однако создание второго по величине и значимости подразделения ОСС, названного отделом рабочего движения, вызвало в Вашингтоне бурю. Первым в колокола тревоги ударил директор ФБР Джон Эдгар Гувер, ревниво наблюдавший за тем, как Donovan разворачивает политический сыск в мире; привыкший быть бесконтрольным хозяином секретной службы в стране, Гувер оказался неподготовленным к тому, что все заграничные операции присвоил себе миллионер с Уолл-стрит.

– Пусть это и не его идея – создать рабочий отдел, а полковника Хэбера Бланкенхорста, за которым не только армия, но и сенатор от Нью-Йорка Роберт Вагнер, – доказывал своему покровителю сенатору Трумэну шеф ФБР, – все равно это недопустимо! Только подумать – он приглашает тех, кто связан с рабочим движением, в государственное учреждение США! Он назначил шефом этого отдела еврейского юриста Артура Гольдберга⁷ – его предки эмигрировали к нам из России.

Трумэн, как утверждает мой источник, близкий к Капитолию, слушал Гувера молча, определенных ответов не давал, отшучивался, однако все имена записывал на отдельных листочках бумаги.

Вообще-то задуматься было над чем: Donovan позволил Гольдбергу пригласить в «Отдел» нескольких участников «батальона Линкольна», которые сражались в Испании бок о бок с русскими коммунистами против войск генералиссимуса Франко и летчиков рейхсмаршала Геринга; более того, он взял на работу тех профсоюзных деятелей, которые ранее активно выступали против монополий и поддерживали забастовщиков.

Донован, однако, посмеивался:

– Я представляю себе, что будет с Гувером, когда он узнает, что я пригласил в управление исследований, поисков и анализа бывшего немецкого коммуниста Герберта Маркузе. Гувер умеет ловить гангстеров и шпионов в Штатах, но он ничего не понимает в международных делах: я не могу работать с подпольными профсоюзами в оккупированных странах без помощи радикалов; никто так точно не определит ситуацию в рейхе Гитлера, как Маркузе; придет время, и мы разберемся с нашими левыми, но это будет после того, как они сделают все для победы над нацистами и закрепления наших позиций в Европе, когда там образуется вакуум.

Тем не менее Donovan был вызван в Капитолий для объяснений – естественно, с «подачи» Гувера. По-прежнему посмеиваясь, он заметил:

– Если мы хотим иметь организацию, составленную из кристальных – с нашей точки зрения – людей, которые отвечают меркам Гувера, тогда получится мертворожденное дитя, ибо работают люди, а не анкеты; дайте моим сотрудникам *шанс* на риск приглашать в аппарат того, кого они считают нужным. Заметьте себе, что отдел контрразведки ОСС возглавляет такой известный всем вам юрист, как Джеймс Мэрфи, – он всегда стоял на защите интересов наших концернов, именно поэтому и наладил прекрасные отношения с профсоюзами, особенно левыми, чтобы знать обо всем происходящем в стане противника.

Донован давал объяснения в те дни, когда первые бюллетени ОСС начали поступать в Белый дом. Готовили их молодые сотрудники ОСС Артур Шлесинджер⁸, Леонард Микер⁹

⁵ Шерман Кент в 1950—1967 гг. – зам. директора ЦРУ.

⁶ Эврон Киркпатрик – зам. начальника отдела разведки госдепартамента в 1954 г.; с 1955 г. – президент научно-исследовательской «Организации исследований», тайного филиала ЦРУ.

⁷ Артур Гольдберг – министр труда в кабинете Кеннеди; до 1968 г. – посол США в ООН.

⁸ Артур Шлесинджер – один из ведущих политиков США.

⁹ Леонард Микер – советник госдепартамента; до 1969 г. – посол США в Румынии.

и Рэй Клайн¹⁰; информация была интересной, объективной; от Донована *отстали*, он только этого и добивался; руки развязаны, началась переброска агентуры в Лондон, Африку, Китай, Индию, пошла истинная работа впрок...

Затем Донован создал МО – отдел моральных операций, то есть штаб психологической войны, где писались сценарии радиопрограмм на Германию, Италию, Японию; там же выпускались листовки для движения Сопротивления в Европе, разрабатывались костяки газет для подполья, подыскивались будущие редакторы, комментаторы, ведущие репортеры, то есть отлаживалась связь с европейской интеллигенцией.

Поскольку и в отдел МО надо было привлекать людей левых убеждений (ибо правые в глубине души всегда искренне симпатизировали фашизму), Донован, умело балансируя, создал СИ – особый отдел секретной разведки и СО – отдел специальных операций. Он таким образом организовал работу этих ключевых отделов, чтобы левый философ Герберт Маркузе всегда передавал свой анализ шефу, а им был либо миллиардер Джуниус Морган, либо его родной брат Генри, либо миллиардер Вандербильт, либо миллиардер Дюпон, известные своими правыми, резко антирусскими настроениями.

Все связи с подпольем в Греции и Югославии контролировал вице-президент Бостонского банка. Крупнейшая в США рекламная фирма «Вальтер Томпсон эдвэртайзинг эдженси» выдвинула своего человека на пост главы планового отдела ОСС; этому же агентству Донован отдал посты резидента отдела моральных операций в Лондоне, начальника группы ОСС в Каире и руководителя бюро «черной пропаганды» в Касабланке. «Стандарт ойл» потребовала себе резидентуры ОСС в Испании и Швейцарии, чтобы оттуда наладить связь с подпольем в Бухаресте и организовать там свою сеть для наблюдения за нефтяными месторождениями в Румынии¹¹.

«Парамонт Пикчерз», крупнейшая кинокомпания США, потребовала себе места в резидентурах ОСС в Швеции, ибо именно через эту нейтральную страну – с прекрасными связями в Европе – можно будет впрок завоевывать громадный рынок для сбыта своей продукции.

Банковская группа «Гольдман и Закс» внесла на счет ОСС два миллиона для помощи Доновану в его работе по созданию подпольных групп в Северной Африке: до войны эти банкиры имели там серьезные интересы; за будущее надо платить – внесли впрок.

Банкирская группа Меллона потребовала для членов своего клана ключевые посты в резидентурах ОСС в Люксембурге, Мадриде, Женеве; было заключено соглашение, что после того, как союзники освободят Париж, пост главы филиала ОСС во Франции также будет отдан клану Меллонов. Алиса, сестра Пола Меллона, самая богатая женщина мира, вышла замуж за Дэйвида Брюса, сына сенатора, миллионера, который был членом штаба ОСС и начальником резидентуры в Лондоне – ключевой пост американской разведки¹².

Поскольку ОСС было создано как детище так называемой «антинацистской тенденции Америки», поскольку русские были главной силой, противостоявшей войскам вермахта, поскольку именно левое, то есть коммунистическое и социалистическое, подполье играло

¹⁰ Рэй Клайн – представитель ЦРУ в Лондоне до 1953 г.; на Тайване – до 1962 г.; затем зам. директора ЦРУ, потом перешел в госдепартамент, где был начиная с 1969 г. начальником разведки.

¹¹ Именно «Стандарт ойл» не пожалела денег на оружие, *подарки* и самолеты, чтобы сразу же после переворота в Румынии, 30 августа 1944 г., когда король Михай уволил в отставку маршала Антонеску и объявил войну Гитлеру, пока Красная Армия еще не успела войти в Бухарест, проламывая немецкое сопротивление, отправить туда специальную миссию ОСС во главе с Расселом Дорром, компаньоном Донована по его уолл-стритской адвокатской конторе. Бригада ОСС вылетела в Бухарест из Каира и сумела похитить архивы румынской, немецкой разведок и секретные научные материалы, связанные с исследованием перспектив развития нефтедобывающей промышленности страны.

¹² Единственно, кто из богатейших семей Америки не вошел в ОСС, так это люди Рокфеллера; с тех пор Нелсон и «дикий Билл» не разговаривали и на приемах друг с другом демонстративно не раскланивались. Впрочем, Рокфеллер создал свою разведку, организовав «Офис по координации внутриамериканских дел». Денег не жалел, поэтому его «координаторы» постепенно провели в ОСС его людей, впрочем, глубоко законспирированных.

ведущую роль в партизанской борьбе против рейха, поскольку, наконец, отношения между Белым домом и Кремлем сделались, как никогда ранее, доверительными, корпорации потребовали создания *противовеса*, и «дикий Билл» собрал в ОСС «русскую группировку», которая опиралась главным образом на эмигрантов.

Однако Гувер, не зная того, что знали руководители правых сил США, не успокаивался; когда в январе 1942 года два молодых сотрудника ОСС, подкупив стражу испанского посольства, проникли в святая святых дипломатической миссии, в «защищенную» комнату шифровальщиков, и начали делать фотографии кодовой книги, Гувера разбудил его секретарь – новость о «вероломстве» Донована, влезшего в дела ФБР, того стоила; Гувер позвонил своему заместителю и сказал:

– Готовьте операцию против «дикого Билла», хватит, заигрался!

И когда через несколько месяцев люди Донована вновь проникли в посольство Франко, машины ФБР окружили здание по приказу Гувера и включили сирены тревоги; агенты ОСС были арестованы, операция по декодированию шифров, имевших особо важное значение для формирования политики США на пиренейском направлении, была сорвана.

Яростный Донован был утром в Белом доме.

Вызвали Гувера; тот светился дружелюбием:

– Дорогой Билл, если б я знал, что в посольстве ваши люди! Я не мог себе представить, что там работают ребята ОСС! Одно ваше слово, и все было бы в порядке! Но вы совсем забыли своего старого верного друга Гувера...

Примирение «врагов» состоялось лишь через несколько месяцев, когда Донован *позволил* Гуверу узнать про ту акцию, с которой, в общем-то, и началась настоящая оперативная работа ОСС за границей. Смысл этой операции Донована заключался в следующем: после того как войска англо-американцев высадились в Северной Африке и начали наступление против армий вермахта, главное внимание как Рузвельта, так и Черчилля было сфокусировано на том, пропустит ли Франко немецкие войска через Испанию, позволит ли рейху ударить в подбрюшье наступающим ангlosаксам, отрезать их от Северного побережья Африки и, таким образом, лишит какой-либо поддержки с моря или же сохранит нейтралитет. Понятно, все симпатии Франко были, как и всегда, на стороне Германии, однако он стоял перед дилеммой: пропустив вермахт, он мог потерять статус диктатора, а его держава сделалась бы оккупированной территорией, несмотря на заверения фюрера, что ни один немецкий солдат не останется на испанской земле; он также понимал, что, отказав Берлину, он – в какой-то мере – выигрывал Лондон, понуждая англо-американцев прекратить бойкот режима и признать его, Франко, единственным и законным выразителем интересов испанской нации. Службы рейха тем не менее продолжали нажим, да и в Мадриде было достаточно сил, которые ненавидели западные демократии, полагая, что будущее мира – лишь национал-социалистское сообщество.

Поэтому предсказать, какой путь в конце концов изберет Франко, было сложно, но тем не менее предсказать вероятность следовало загодя.

Донован решил *оббежать* события: он принял решение не просто понять и просчитать возможные перспективы, но приказал своим агентам *навязать* Франко линию поведения, выгодную союзникам.

Играя обычную для него карту «противовеса», Донован отправил под дипломатической «крышей» своего личного представителя в Мадрид, и был этим человеком чикагский миллионер Дональд Стил, который сразу же обзавелся знакомствами в высшем мадридском свете, не устывая повторять, что он – убежденный антикоммунист, воевал с красными в составе американского экспедиционного корпуса, отправленного в Россию на помощь белым армиям. Его сменил, получив надежные связи предшественника, Грегори Томас¹³ – один из руководителей

¹³ Грегори Томас – в будущем президент корпорации «Шанель»; один из руководителей филиала ЦРУ – радиостанции

парфюмерного концерна. Подарки дамам света ему было делать не внове, духи – не взятка, а знак внимания; ничто так высоко не ценится за Пиренеями, как знаки внимания, они – ключ к сердцам тех, кто обладает *информацией* и может в свою очередь передать *наверх*, Франко, то, что сочтет нужным.

Резидент ОСС Доунс встретился в Лондоне с бывшим президентом республиканской Испании Негрином; тот сказал ему, что, если Франко примкнет к странам оси и пропустит войска Гитлера через Испанию, в стране может вспыхнуть гражданская война, а уж «массовое партизанское движение – попросту неизбежно».

Поскольку в Испании ничего не было готово к развертыванию партизанской борьбы, все люди Доунса были арестованы, привезены в Мадрид, в подвалы Пуэрта дель Соль, и подвергнуты третьей степени устрашения. Несколько человек не выдержали и признались, что отправлены из Марокко американцами.

Министр иностранных дел Испании¹⁴ вызвал американского посла Хайеса:

– Это беспрецедентный акт вмешательства в наши внутренние дела! Это можно трактовать как шаг к неспровоцированной агрессии! Вы готовите в стране кровопролитие!

А в это время люди ОСС в Мадриде, развозя по особнякам коробки с духами, *запустили* точно высчитанную дезинформацию: «Это только начало, инфильтрация будет продолжаться, ибо Белый дом опасается, что Франко откроет ворота Испании вермахту».

Франко, боявшийся партизанской борьбы, нашел возможность сообщить в Вашингтон – через сложную цепь контактов, – что он не пропустит войска рейха.

После того как эта информация пришла в Америку, государственный департамент поручил Хайесу заверить Франко, что засылка «группы коммунистических террористов» не есть дело рук американской армии или секретной службы, но авантюра испанских республиканцев и американских коммунистов; человек, который оказал им некоторую финансовую помощь, «выгнан с государственной службы».

Доунс действительно был отчислен из ОСС, однако ровно через два месяца он был назначен советником по особым операциям при штабе генерала Эйзенхауэра.

Посол Хайес, ранее столь гневно выступавший против Донована и его людей, подписал с «диким Биллом» договор о «дружбе», и с той поры его первым помощником в посольстве стал офицер ОСС...

Однако ни Мюллер, ни Шелленберг, ни Канарис не имели данных о том, что на следующий день после этого Гувер позвонил Доновану и предложил вместе поужинать; вечер удался на славу, враги сделались друзьями.

– Ну как? – спросил Мюллер. – Любопытно копал Канарис?

– Весьма, – ответил Штирлиц, возвращая Мюллеру папку. – Данные об операциях ОСС кончаются на сорок втором годе?

Мюллер хмыкнул:

– Штирлиц, я отношусь к той породе людей, которые перестают получать информацию в ту самую минуту, когда наступает смерть.

Ни Шелленберг, ни Мюллер, ни иностранный отдел НСДАП не знали также о том, что вскоре после этого положение Донована резко пошатнулось.

А уж после того как брат европейского резидента ОСС Аллена Даллеса мультимиллионер Джон Фостер Даллес возглавил внешнеполитический отдел предвыборной кампании кандидата в президенты Томаса Дьюи, резко напал на Рузвельта, требовал жестких мер против «красной угрозы» и пугал американцев коммунизмом, причем многие документы получал непосредственно от своего старого друга и соратника по партии Донована, президент потре-

«Свободная Европа».

¹⁴ Информация получена от него в частной беседе.

бывал отчет: кто проверяет работу ОСС, кто финансирует ее операции, не включенные в перспективные планы, и какие корпорации получают приватную информацию из государственного ведомства политической разведки.

Ознакомившись с частью полученных материалов, Рузвельт сказал своему ближайшему сотруднику Гопкинсу:

– Гарри, вам не кажется, что Донована пора убирать из ОСС?

Тот спросил:

– Каков повод?

– Повод очевиден, – ответил президент и ткнул пальцем в папку, лежавшую перед ним. –

Все члены штаба по выборам Дьюи – после его поражения – взяты Донованом на ключевые посты в ОСС, и все они заняты в тех отделах, которые планируют операции по рейху, используя свои старые связи с финансистами Гитлера.

...Этот разговор в Белом доме состоялся в марте сорок пятого, через полтора часа после того, как Штирлиц вернулся в рейх.

Все в этом мире сопряжено незримыми странными связями – великое и малое, смешное и трагичное, подлое и высокое; подчас те или иные пересечения судеб не поддаются логическому объяснению, кажутся случайными, однако именно эта кажущаяся случайность и является на самом деле одной из потаенных констант развития.

Вот как умеет работать гестапо! – I

...Бомбили центр Берлина; над Бабельсбергом не летали, поэтому свет в районе выключен не был, хотя лампочки горели, как всегда, вполнакала.

– Только, пожалуйста, Ганс, – попросил Штирлиц, – не кладите мне сахара, я пью кофе с сахарином.

Шофер откликнулся с кухни:

– Так вы ж худой, господин Бользен, это моему шефу приходится следить за каждым куском хлеба, постоянно ходит голодный...

– Индийские йоги считают состояние голода самым полезным, – заметил Штирлиц. – Так что мы, немцы, живем в условиях пика полезности – почти все голодны.

На кухне было тихо, Ганс никак не прореагировал на слова Штирлица – видимо, вспоминал инструкции Мюллера, как вести себя в разных ситуациях...

«А может быть, все-таки я сам себя пугаю? – подумал Штирлиц. – Может быть, парень действительно приставлен ко мне для охраны? Не страна, а гигантская банка со скорпионами, понять логику поступков практически невозможно, следует рассчитывать на свои чувства... Но если я не смогу оторваться от моего стража и выйти на связь с радистами, что мне здесь делать? Какой смысл пребывания в Берлине? Я верно сделал, что намекнул Мюллеру о возможности моей особой игры, пусть думает; судя по всему, такой ответ устроил его, хотя настоящий разговор у нас еще не состоялся...»

Кофе был отменный, сделан по турецкому рецепту; Штирлиц поинтересовался:

– Кто вас научил так хорошо заваривать?

– Сын группенфюрера, Фриц. Он был ученым ребенком, знал по-английски и по-французски, целые дни читал книги и учебники. Он-то и натолкнулся на рецепт, как надо делать настоящий кофе. Не ставить на электрическую плиту, а держать над ней, наблюдая, когда начнет подниматься пена; мальчик называл это как-то по-ученому, не на нашем языке, но очень красиво... Сейчас, я припомню, как он переводил... «Эффект вкусового взрыва» – вот как он мудрено это называл...

– А где сейчас сын группенфюрера?

Ганс подвинул Штирлицу мармелад:

– Это варит моя мама, господин Бользен, пожалуйста, угощайтесь.

– Вы не ответили на мой вопрос...

– А еще я хочу просить вас попробовать наше сало... Отец делает его по старинному рецепту, поэтому в нем так много розовых прокладок, видите, как красиво?

– О, да, – ответил Штирлиц, поняв, что парень ничего ему не ответит, – с удовольствием отведаю вашего домашнего сала. Откуда вы родом?

– Из Магдебурга, господин Бользен. Наш дом стоит на развилке дорог, помните, поворот в направлении Ганновера и указатель на Гамбург? Красивый дом, очень старинный, с большой силосной башней на усадьбе...

– Я часто езжу по этой трассе, милый Ганс, но, увы, сейчас не могу вспомнить ваш красивый старинный дом... Наверняка под красной черепицей, а балки каркаса покрашены яркой коричневой краской?

– Ну конечно! Значит, все же помните?!

– Начинаю припоминать, – сказал Штирлиц. – Если вам не трудно, пожалуйста, сделайте мне еще кофе.

– Конечно, господин Бользен.

– Или попозже? Ваш кофе остынет, допейте, Ганс...

– Ничего, я люблю холодный кофе. Сын группенфюрера научил меня делать «айс-кофе». Пробовали?

– Это когда в высокий стакан с холодным кофе кладут катышек мороженого?

– Да.

– Очень вкусно, пробовал. А вы пили кофе «капучино»?

– Нет, я даже не слышал о таком.

– Помните, в Средние века жили капуцины, странствующие монахи?

– Я не люблю попов, они ведь все изменники, господин Бользен...

– Почему же все?

– Потому что они болтают про мир, а нам воевать надо, чтобы изничтожить большевиков и американцев...

– В общем-то верно, хорошо думаете... Так вот, о кофе капуцинов... Это когда в горячий кофе кладут мороженое и образуется совершенно невероятная шоколадная пена. Боюсь, что кофе «капучино» мы с вами попробуем лишь после победы... Идите, милый, я не задерживаю вас более... Сделайте заварки кофе на три чашки, я тоже люблю холодный кофе, мне потом предстоит поработать...

Когда Ганс вышел, Штирлиц достал из кармана пиджака маленькую таблетку снотворного, положил ее в чашку Ганса, закурил, глубоко затянулся; снял трубку телефона и набрал номер Дагмар Фрайтаг, той женщины, дело которой передал ему Шелленберг.

Голос ее был низким, чуть ли не бас; Штирлицу нравились такие голоса, как правило, бог наделял ими высоких, худощавых, спортивного типа женщин с лицом римлянок.

«Ты все всегда придумываешь, старина», – сказал себе Штирлиц. «Ну и что? – ответил он себе же. – Это прекрасно. Надо навязывать явлениям и людям, тебя окружающим, самое себя; незаметно, подчиняясь непознанным законам, твои представления, твоя концепция, твои идеи обретут право гражданства, только надо быть уверенным в том, что поступаешь правильно и что твоя идея не есть зло, то есть безнравственность».

– Мне разрешили побеспокоить вас звонком, профессор Йорк, – сказал Штирлиц. – Моя фамилия Бользен, Макс Бользен.

– Добрый вечер, господин Бользен, – ответила женщина. – Я ждала вашего звонка.

– У вас глаза зеленые, – утверждающе заметил Штирлиц.

Женщина рассмеялась:

– По вечерам, особенно когда во время бомбежек выключают свет, они желтеют. А вообще вы правы, зеленые, кошачьи.

– Прекрасно. Когда вы найдете для меня время?

– Да когда угодно. Вы где живете?

– В лесу. Бабельсберг.

– А я в Потсдаме. Совсем рядом.

– Когда ложитесь спать?

– Если не бомбят – поздно.

– А если бомбят?

– Тогда я принимаю люминал и заваливаюсь в кровать с вечера.

– Сейчас я обзвоню моих друзей – я только что вернулся, надо кое с кем переброситься парой слов – и свяжусь с вами еще раз. Может быть, если вы согласитесь, я приеду к вам сегодня, только позже.

«Сейчас пишут каждое мое слово, – подумал он, положив трубку. – И это замечательно. Вопрос о том, когда расшифровку записей передадут Мюллеру: сразу же или завтра? И в том и в другом случае мой выезд замотивирован. Поглядим, как крепок его Ганс; он свалится через сорок минут, два часа беспробудного сна это зелье гарантирует. Впрочем, он может отставить свою чашку, и сна не будет. Что ж, тогда я поеду вместе с ним. После беседы с этой зеленоглазой

Дагмар совершу прогулку по Потсдаму. Ее дом находится, если мне не изменяет память, в трех блоках от того особняка, где живет радист. А может быть, у Дагмар есть удобный выход во двор – придется ползать через заборы, ничего не попишешь: Москва должна знать о том, что теперь уже и Борман не мешает переговорам с Западом и что в дело будут включены серьезные люди как в Швейцарии, так и в Швеции».

Ганс вернулся с кухни, налил Штирлицу кофе, допил свой, холодный, с сильно действующим снотворным; поинтересовался, что господин Бользен будет есть на завтрак: он, Ганс, отменно готовит яичницу с ветчиной.

– Спасибо, милый Ганс, но ко мне приходит девочка, она знает, что я ем на завтрак...

– Господин Бользен, группенфюрер сказал, что девочка погибла во время налета... Простите, что я вынужден вас огорчить...

– Когда это случилось?

– А еще я умею делать морковные котлеты, – сказал Ганс.

Он просто пропускал мимо ушей тот вопрос, на который ему было предписано не отвечать.

– Я задал вам вопрос, Ганс: когда погибла моя горничная?

– Но я не знаю, господин Бользен. Я вправе отвечать вам лишь про то, что мне известно.

– Вот видите, как славно, когда вы объясняете мне. Не очень-то воспитанно молчать, когда вас спрашивают, или говорить о другом, нет?

– Да, это совсем невежливо, вы правы, господин Бользен, но я не люблю врать. По мне лучше промолчать, чем говорить неправду.

– Пойдемте, я покажу вам вашу комнату.

– Группенфюрер сказал, что я должен спать внизу. Мне надо блокировать вход к вам на второй этаж. Если вы позволите, я стану устраиваться на ночь в кресле... Вы разрешите подвинуть его к лестнице?

– Нет. На втором этаже нет туалета, я буду вас тревожить...

– Ничего страшного, тревожьте, я моментально засыпаю.

– В данном случае я говорю о себе. Я не люблю тревожить людей попусту. Пожалуйста, подвиньте кресло... Нет, еще ближе к лестнице, но так, чтобы я мог ходить, не обращаясь к вам с просьбой отодвинуться в сторону.

– Но группенфюрер сказал мне, что я должен быть вашей тенью повсюду...

– Вы в каком звании? Капрал? Ну а я – штандартенфюрер.

– Я вас охраняю, господин Бользен, а приказы мне дает группенфюрер. Простите, пожалуйста...

– Видимо, вы хотите, чтобы я позвонил Мюллеру?

– Именно так, господин Бользен, пожалуйста, не сердитесь на меня, но вы бы сами не поняли солдата, не выполняющего приказ командира.

– Пожалуйста, милый Ганс, подайте мне аппарат, шнур удлинен, можете брать со стола спокойно.

Ганс передал Штирлицу телефон, прикрыв рот ладонью, зевнул, смутился, спросил:

– Могу я выпить еще полчашки кофе?

– О да, конечно. Плохо спали сегодня?

– Да, пришлось много ездить, господин Бользен.

Штирлиц набрал номер.

Ответил Шольц.

– Добрый вечер, здесь Штирлиц. Не были бы так любезны соединить меня с вашим шефом?

– Соединяю, штандартенфюрер.

– Спасибо.

Мюллер поднял трубку, засмеялся своим мелким, быстрым, прерывающимся смехом:
– Ну что, уже начался нервный приступ? Молодец Ганс! Дальше будет хуже. Дайте мне его к телефону.

Штирлиц протянул трубку Гансу, тот выслушал, дважды кивнул, вопросительно посмотрел на Штирлица, хочет ли тот еще говорить с шефом, но Штирлиц поднялся и ушел в ванную.

Когда он вернулся, Ганс сидел в кресле и тер глаза.

– Ложитесь, – сказал Штирлиц. – Можете отдыхать, вы мне сегодня не понадобится более.

– Спасибо, господин Бользен. Я не буду мешать вам?

– Нет, нет, ни в коем случае.

– Но я временами храплю...

– Я сплю с тампонами в ушах, храпите себе на здоровье. Белье возьмите наверху, знаете где?

И Ганс ответил:

– Да...

...Ганс уснул через двадцать минут.

Штирлиц укрыл его вторым пледом и спустился в гараж.

Когда он вывел машину со двора, Ганс, шатаясь, поднялся с кресла, подошел к телефону, набрал номер Мюллера и сказал:

– Он уехал.

– Я знаю. Спасибо, Ганс. Спи спокойно и не просыпайся, когда он вернется. Ты у меня молодчага.

...Штирлиц остановил машину в переулке, не доезжая двух блоков до маленького трехэтажного особняка радиста; он позвонил, осветив спичкой фамилии квартиросъемщиков – их здесь было четверо.

Радистом оказался пожилой немец, истинный берлинец, Пауль Лорх.

Выслушав слова пароля, произнесенные гостем шепотом, он мягко улыбнулся, пригласил Штирлица к себе; они поднялись в маленькую двухкомнатную квартиру, Лорх передал Штирлицу два крохотных листочка с колонками цифр.

– Когда получили? – спросил Штирлиц.

– Вчерашней ночью.

Первая шифровка гласила:

«Почему медлите с передачей информации? Мы заинтересованы в получении новых данных ежедневно.

Центр».

Вторая в какой-то мере повторяла первую:

«По нашим сведениям, Шелленберг развивает особую активность в Швеции. Насколько это соответствует истине? Если факт подтверждается, назовите имена людей, с которыми он контактирует.

Центр».

– Где передатчик? – одними губами, очень тихо спросил Штирлиц.

– Спрятан.

– Можем сейчас съездить?

Лорх отрицательно покачал головой:

– Я могу привезти его завтра к вечеру.

– Хорошо бы это сделать сегодня... Никак не выйдет?

– Нет, я должен быть на работе в шесть, а мы только в пять вернемся.

– Ждите меня завтра или послезавтра. Круглые сутки. Вызовите врача, замотивируйте болезнь, но сделайте так, чтобы вы были на месте. Ваш телефон не изменился?

– Нет.

– Я могу позвонить... У меня довольно сложная ситуация... Мне сейчас трудно распорядиться своим временем, понимаете ли... Вы по-прежнему служите собачьим парикмахером?

– Да, но теперь приходится стричь и людей... Поэтому я езжу рано утром в госпиталь...

– Ваш телефон в справочной книге, как и раньше, связан с вашей профессией?

– Да.

– Сколько еще осталось собачьих парикмахеров в городе?

– Две дамы, они специализируются по пуделям. Отчего вы шепчете? Я вполне надежен.

– Конечно, конечно, – по-прежнему беззвучно ответил Штирлиц. – Я не сомневаюсь в вашей надежности, просто я устал, и у меня нервы на пределе, простите...

– Хотите крепкого чая?

– Нет, спасибо. Может быть, вам позвонит мой... словом, шофер. Его зовут Ганс. Он приедет за вами – если не смогу я – на моей машине. Номер машины эсэсовский, не пугайтесь, все в порядке. Будете стричь моего пса, в том случае, если я сам не смогу прийти к вам. Но я должен прийти к вам обязательно. Вот текст шифровки, передайте ее завтра до моего прихода.

«Шелленберг действительно начал новую серию тайных переговоров в Швейцарии и Швеции. Контрагентами называет Бернадота – в Стокгольме и Музи – в Монтрё. Мне поручено подготовить к переброске в Стокгольм, в окружение графа Бернадота, некую Дагмар Фрайтаг, филолога, тридцати шести лет, привлечена к работе Шелленбергом после ареста ее мужа, коммерсанта Фрайтага, за высказывания против Гитлера. Мюллер приставил ко мне своего человека. Борман, видимо, информирован о контактах с Западом, ибо потребовал от меня сделать все, чтобы факт переговоров с нейтралами, представляющими на самом деле Даллеса, был пока что высшей тайной рейха, более всего он не хочет, чтобы об этом узнал Кремль.

Юстас».

...Мюллер выслушал руководителя особой группы наблюдения, пущенного за Штирлицем, записал адрес Лорха и сказал:

– Спасибо, Гуго, прекрасная работа, снимайте с него ваши глаза, видимо, он поедет сейчас к этой самой Дагмар Фрайтаг. Отдыхайте до утра.

Затем Мюллер пригласил доктора филологии штурмбаннфюрера Герберта Ниче из отдела дешифровки и спросил его:

– Доктор, если я дам ряд слов из вражеской радиogramмы, вы сможете ее прочесть?

– Какова длина колонки цифр? Сколько слов вам известно из тех, которые зашифрованы? Что за слова? Мера достоверности?

– Хм... Лучше б вам не знать этих слов, право... Вы раскассируйте те слова, которые я вам назову, по группам, работающим вне нашего здания... Слова, которые я вам назову, опасны, доктор... Если их будет знать кто-либо третий в нашем учреждении, я не поставлю за вас и понюшку табаку... Итак, вот те слова, которые *обязательно* будут звучать в шифрограмме: «Дагмар», «Стокгольм», «Фрайтаг», «Швейцария», «Даллес», «Мюллер», «Шелленберг», «Бернарот»; вполне вероятно, что в провокационных целях будут названы святые для каждого члена партии имена рейхсмаршала, рейхсфюрера и рейхсляйтера. Более того, вполне возможно упоминание имени великого фюрера германской нации... Я не знаю, каким будет шифр, но вероятно, что он окажется таким же, каким оперировала русская радистка...

– Та, которую арестовал Штирлиц? В госпитале?

– Да, Штирлиц сумел обнаружить ее именно в «Шарите», вы совершенно правы.

Мюллер достал из сейфа перехваченные шифровки, положил их на стол перед Ниче и сказал:

– Пока суд да дело, попробуйте помудрить с этими цифрами, подставив сюда следующие слова: «Вольф», «Даллес», «Шлаг», «пастор», «Мюллер», «Швейцария», «Берн», «Шелленберг»... Возможны упоминания имен Гимmlера и Бормана в гнусном, клеветническом подтексте. Если не все, то большинство этих слов, я полагаю, присутствует в этих цифрах... Я останусь ночевать здесь, так что звоните, Шольц предупрежден – он меня немедленно разбудит...

Шольц его разбудил в шесть, когда уже светало; небо было высоким, пепельным; сегодня ночью не бомбили, поэтому не было дымных пожарищ и не летала мягкая, невесомая, крематорская копоть.

Доктор Ниче положил перед Мюллером расшифрованный текст:

«Шелленберг с санкции Гимmlера намерен вести переговоры в Швейцарии с американцами. Мне санкционирована свобода действия, срочно необходима связь, подробное донесение передаст пастор, которого я переправляю в Берн.

Юстас».

Мюллер закрыл глаза, а потом мягко заколыхался в кресле – смех его был беззвучным, он качал головою и хмыкал, словно бы простудился на ветру. А когда ему передали шифровку, отправленную Штирлицем через Пауля Лорха после его бесед с ним, с Мюллером, с Шелленбергом и с Борманом, шеф гестапо ощутил такое удовлетворение, такую сладостную радость, какую он испытывал лишь в детстве, помогая дедушке работать в поле, весной, когда наступала пора ухода за саженцами на их винограднике.

Он имел право на такую радость.

Он добился того, что Штирлиц оказался слепым исполнителем его воли: отныне вопрос возможной конфронтации между Кремлем и Белым домом перестал быть отвлеченной идеей. Случись такое – Мюллер спасен. Впрочем, шансы его и Бормана на спасение увеличились неизмеримо, даже если вооруженной конфронтации между русскими и американцами не произойдет – все равно разведка красных не может не заинтересоваться тем, как будут и дальше реагировать на мирные переговоры Борман и он, Мюллер; от них ведь зависит, прервать их или же содействовать их продолжению...

Опоры будущего реванша

Борман выехал из Берлина на рассвете.

Он отправился в Потсдам; здесь, в лесу, в маленьком особняке, обнесённом высокой оградой, охраняемой пятью ветеранами НСДАП и тремя офицерами СС, выделенными Мюллером, доктор Менгеле оборудовал специальную лабораторию «АЕ-2». Так закодированно обозначался его госпиталь, высшая тайна Бормана, не доложенная им фюреру.

Именно сюда привозили – ночью, в машинах с зашторенными окнами – тех *кандидатов*, которых по его личному поручению отобрали для него самые доверенные люди рейхсляйтера.

Менгеле делал здесь пластические операции; первым был прооперирован оберштурмбаннфюрер СС Гросс, сын «старого борца», друга рейхсляйтера, осуществлявшего его защиту на судебном процессе в двадцатых годах. Именно он подсказал адвокатам идею квалифицировать убийство, совершенное Борманом, как акт политической самообороны в борьбе с большевистским терроризмом. Ныне, спустя двадцать два года, Борман сориентировал младшего Гросса на будущую работу в сионистских кругах Америки; парень кончил Итон, его английский был абсолютен, служил под началом Эйхмана, помогал Вальтеру Рауфу, когда тот опробовал свои душегубки, в которых уничтожали еврейских детей.

Менгеле изменил Гроссу форму носа, сделал обрезание и переправил татуированный эсэсовский номер на тот, который накалывали евреям перед удушением в газовых камерах в концентрационных лагерях, – «1.597.842».

Вторым в лабораторию «АЕ-2» был доставлен Рудольф Витлофф; он воспитывался в России, отец работал в торговой фирме Симменса-Шуккерта, мальчик посещал русскую школу, язык знал в совершенстве; практиковался в группе Мюллера, занимавшейся «Красной капеллой». Менгеле сделал Витлоффу шрам на лбу, наколол – через кусок кожи, вырезанной с левого плеча русского военнопленного, – портрет Сталина и слова «Смерть немецким оккупантам».

Сегодня Менгеле провел третью операцию: к внедрению в ряды радикальных арабских антимонархистов готовился Клаус Нейман.

Борману предстояло поговорить с каждым из трех его людей: по законам конспирации никто из этой тройки не должен был видеть друг друга.

Борман ехал по израненному городу и до сих пор не мог ответить себе, имеет ли он право поставить все точки над «і» в беседе с тремя избранными. Он колебался: просто ли ориентировать людей на глубинное внедрение в тылы врага или же сказать то, что было ясно всем: «Наша битва проиграна, война закончится в ближайшие месяцы, если только не чудо; вам выпала ответственнейшая задача – отдать себя великому делу восстановления национал-социализма. Притягательность нашего движения заключается в том, что мы открыто и недвусмысленно провозглашаем вседозволенность лучшим представителям избранной нации арийцев в борьбе за господство сильных. Да, видимо, мы были в чем-то неправы, выпячивая право одних лишь немцев на абсолютное и непререкаемое лидерство. Надо было разжигать пламя национальной исключительности в тех регионах мира, где только можно зажечь *мечту* стать первыми. Да, мы учтем эту ошибку на будущее, и вы, именно вы, будете теми хранителями огня, которые обязаны саккумулировать в себе *память* и *мечту*. Немцы так или иначе сделаются лидерами, когда пожар национальной идеи заполыхает в мире. Нет классов, это вздор марксистов, одержимых тайной еврейской идеей; нет и не будет никакого «интернационального братства», проповедуемого русскими большевиками, – каждая нация думает только о себе; нет никаких противоречий в обществе, если только это общество одной нации; чистота крови – вот залог благоденствия общества арийцев».

Борман понимал, что если он сейчас не скажет всей правды своим избранным, то его делу – делу истинного, хоть и необъявленного пока что преемника фюрера – может быть нане-

сен определенный урон; но он отдавал себе отчет в том, что ему подобрали таких людей, которые воспитаны в слепой, фанатичной вере в Гитлера. Если сказать открыто, что конец рейха неминуем и близок, предугадать реакцию этих людей на слова правды невозможно. Он вправе допустить, что один из них немедленно отправит письмо фюреру, в котором обвинит Бормана в измене, распространении панических слухов и потребует суда над предателем. Уже были зафиксированы несколько доносов мальчиков и девочек на своих отцов: «Они смели говорить, что фюрер проиграл войну»; эти письма детей показывал Борману председатель народного имперского суда Фрейслер, плакал от умиления: «С такими патриотами, вроде этих малышей, мы одолеем любого врага!»

...Борман отгонял от себя мысли о том, что грядет; человек сильной воли, он приучился контролировать не только слова и поступки, но и мысли. Однако, когда в начале марта он выехал на два дня в Австрию в район Линца по делам НСДАП, связанным с вопросом размещения и хранения произведений искусства – как-никак из России, Польши и Франции вывезено картин и скульптур на девятьсот семьдесят миллионов долларов, – и увидел особняки, где разместилось эвакуированное министерство иностранных дел рейха, «правительства в изгнании» Болгарии, Хорватии, Венгрии, Словакии, когда он почувствовал *жалкие* остатки былого величия, ему стало очевидно: это конец. Не отступление на фронтах, не оперативные сводки Мюллера-гестапо о том, что все рушится, не данные областных организаций НСДАП о голоде и болезнях в рейхе, но именно ощущение *малости* подкосило его. Покуда он находился в бункере, рядом с фюрером, и заведенный распорядок дня неукоснительно повторялся изо дня в день: бесперебойно работала связь, Гитлер свободно оперировал с картами и сообщениями министерств, – ему, Борману, было спокойно, ибо грохот бомбежек не был слышен в подземной имперской канцелярии, еду подавали отменную, офицеры СС были, как всегда, великолепно одеты, генералы приезжали для докладов по минутам; царствовала *иллюзия* могущества; рейх продолжал оккупировать Данию, север Италии, Голландию и Норвегию, войска СС стояли в Австрии, по-прежнему держались гарнизоны в Чехословакии и Венгрии; тревожным было положение на Востоке, но ведь нация обязана стоять насмерть, кто захочет пойти на добровольное самоубийство?! Красные вырежут всех, это очевидно; значит, немцы будут защищать каждый дом, перелесок, поле, каждый сарай – речь идет о физическом существовании нации, возобладают скрытые, таинственные пружины *крови*...

Именно тогда, возвращаясь из Линца, Борман впервые отдал себе отчет в том, что произошло. И впервые ему надо было самому принять решение, не дожидаясь указания фюрера. И вот именно тогда в его голове начал трудно и боязливо ворочаться *свой* план спасения. Поначалу он страшился признаться себе в том, что этот план окончательно созрел в нем; он гнал мысль прочь, он умел это. Однако, когда маршал Жуков начал готовить наступление на Берлин, когда Розенберг прочитал ему подборку передовиц «Правды» и «Красной звезды», Борман понял: время колебаний кончено, настала пора активного действия.

(В чем-то помог Геббельс, с которым он сейчас вошел в тесный блок, окончательно оттерев, таким образом, Геринга, Гиммлера, Риббентропа и Розенберга.

Именно Геббельс в апреле пришел к Борману с переводом статьи, опубликованной в «Красной звезде» начальником управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Александровым. Статья называлась «Товарищ Эренбург упрощает».

– Русские предлагают немцам тур вальса, – сказал Геббельс ликующе.

Борман внимательно прочитал статью, в которой говорилось про то, что существуют разные немцы, не только враги; пора уже сейчас думать о том, какие отношения между двумя нациями будут после неминуемой победы.

Геббельс продолжал говорить о наивности Сталина, о том, что немцы всегда останутся врагами диких азиатов, а Борман даже похолодел от шальной мысли: «А вдруг Москва действительно протягивает руку ему, Борману? Почему не навязать этой статье именно такой смысл?»

Борман уже к концу марта построил план спасения, базируясь в своих отправных посылах именно на такого рода допуске.)

Он решил отныне ни в коем случае не мешать ни Гиммлеру, ни Шелленбергу в налаживании контактов с Западом. Более того, Мюллер обязан будет помогать им в этих контактах, делая все, чтобы ни один волос не упал с головы заговорщиков. Но при этом необходимо добиться, чтобы информация об этих переговорах постоянно и ежечасно уходила в Москву, Сталину. Пусть тот *ждет*, пусть думает, что в один прекрасный миг Гиммлер сговорится с Даллесом, пусть живет под дамокловым мечом единого фронта европейцев против большевиков. Разве такое невозможно? Надо сделать так, чтобы Гиммлер добился реальных результатов в этих переговорах, пусть его! Надо уговорить фюрера отвести с Западного фронта практически все боевые части на Восток. После этого ударить по генеральному штабу, изгнать Гудериана и привести на его место Кребса – тот говорит по-русски, был в военном атташате в Москве (Кремль быстро просчитывает персональные перестановки, там на это доки). А когда Западный фронт будет открыт американцам, когда их армии устремятся на Берлин, – надо обращаться к Сталину с предложением мира; да, именно к нему, пугая его Гиммлером – с одной стороны, и неуправляемостью вермахта, его высшего командования, типа Гудериана, Кессельринга, Гелена, – с другой, представив ему, Сталину, документы, которые бы свидетельствовали, что Ялтинское соглашение стало листком бумаги; пусть думает, кремлевский руководитель умеет принимать парадоксальные решения: либо американцы в Берлине и, таким образом, во всей практически Европе, либо новая Германия Бормана, да, именно его Германия, которая будет готова отбросить армии американских плутократов и заключить почетный мир с Москвой, признав ее – на этом этапе – лидерство.

«Мало времени, – сказал себе Борман. – Очень мало времени и слишком много стадий, которые мне надо пройти. Очень трудно соблюдать ритм в кризисной ситуации, но, если я все-таки смогу соблюсти ритм, появится шанс, который позволит мне думать не о бегстве, но о продолжении дела моей жизни».

... Именно тогда он и вспомнил Штирлица.

... Именно тогда, вернувшись в Берлин, он позвонил Мюллеру и вызвал его к себе, поручив подготовить материал против Гудериана и Гелена. Именно тогда он и задал ему вопрос, кто сможет сделать так, чтобы информация о новых тайных контактах Гиммлера и его штаба ушла в Кремль.

... Именно поэтому Штирлиц и не был арестован немедленно по возвращении: он оказался тем недостающим звеном в комбинации, которую начинал Борман – на свой страх и риск, без указания того человека, которого *обожал* и *ненавидел* одновременно.

Ситуация в Германии была такой, что те функционеры рейха, которые ранее, будучи поставленными в иерархической лестнице на строго определенное место, с точно утвержденными правами и обязанностями, являли собою некие детали одной машины, гарантировали ее слаженную работу, сейчас, накануне краха, изверившись в способности высшей власти гарантировать не пропитание и кров, но самую жизнь, были обуреваемы лишь одной мыслью: как *выскочить* из вагона, несшегося под откос, в пропасть.

Поскольку людям, лишенным истинной общественной идеи, свойственна некая гуттаперчевость совести, поскольку блага, которые они получали, служа фюреру, были платой за злодейство, беспринципность, покорность, трусость, предательство друзей, впавших в немилость, насилие над здравым смыслом и логикой, ситуация, сложившаяся в рейхе весной сорок пятого, подталкивала их – во имя физического спасения – к некоему фантастическому шабашу внутреннего предательства. Каждый, начиная с Германа Геринга, «наци номер два», был готов *заложить* обожаемого фюрера, имея хотя бы номинальную гарантию того, что сам не будет уничтожен.

...Мюллер, выслушав Бормана, сразу же понял, что о контактах Штирлица с секретной службой русских говорить рейхслайтеру нельзя ни в коем случае. У Мюллера был свой план спасения, но он не мог даже представить себе, что его план до такой степени смыкается с задумкой Бормана. Поэтому он заметил:

– Если вы найдете время принять Штирлица, рейхслайтер, если тот решится вернуться в Германию, если он *может* позвонить вам и ему удастся доехать до того места встречи, которое вы ему назовете, я просил бы вас – ориентируя его на будущую работу – особо подчеркнуть следующее: «Ваша главная задача ныне будет категорическим образом отличаться от той, которая уже выполнена. Ваша задача будет заключаться в том, чтобы оберегать Шелленберга и его людей. Вы должны гарантировать абсолютнейшую секретность их переговоров – не только для того, чтобы попусту не ранить сердце фюрера, но и для того также, чтобы эта информация не смогла достигнуть Кремля. Пока еще не известно, кто по-настоящему воспользуется результатами переговоров в Стокгольме и Швейцарии; важно только, чтобы Москва ни в коем случае не узнала о самом факте их существования».

Борман тогда посмотрел на Мюллера по-особому – настороженно и оценивающе, но вопроса задавать не стал: он, как и большинство высших функционеров НСДАП, предпочитал жить по принципу детской игры: «да» и «нет» не говорить, «черное» и «белое» не называть; если бы Мюллер посчитал нужным сказать нечто такое о Штирлице, что понудило бы его, Бормана, принять определенное решение, то это могло бы, в конечном счете, помешать делу; пусть ответственность будет на Мюллере, он ведь понимает, какого уровня комбинация задумана, разве он привлечет к ней человека, в честности которого есть хоть капля сомнения? Конечно же, нет. А если – да? Ну что ж, это его дело, он – профессионал, он отдает себе отчет в том, что его ждет, провали он операцию. Надо уметь отводить от себя лишнее, оставляя в памяти лишь абрис главной идеи; за детали отвечают профессионалы, я, политик Мартин Борман, выдвигаю концепцию, задача моих сотрудников в том и состоит, чтобы сделать ее реальностью; понятно, никто из них не станет действовать против духа и буквы нашей морали и закона; я живу судьбами Европы, пусть тайная полиция думает про то, как помочь мне, Борману, в моем деле. Ответственность за детали лежит на исполнителях, с них и спрос; идея – неподсудна!

...Лишь приехав в лабораторию «АЕ-2», Борман нашел третью, самую удобную форму беседы с кандидатами – веселую, дружескую, открытое собеседование товарищей по совместной борьбе за светозарные идеалы национал-социализма.

Явки, номера банковских счетов – словом, *детали* были давно известны его людям, формы связи обговорены; осталось лишь сказать напутствие.

Каждому надлежит пожелать *свое*: Гроссу, впрочем, и говорить нечего, изумительный специалист в своем деле – Эйхман значительно более компетентен, чем Альфред Розенберг, ибо практики обычно знают дело больше, чем теоретики; Витлофф понимает Россию замечательно, Мюллер и Кальтенбруннер высоко отзывались о его деловых качествах; Нейман рос в Александрии, его отец дружил там с семьей Рудольфа Гесса; беседу с каждым надо построить таким образом, чтобы сфокусировать их внимание на *симптомах* возрождения идеи национал-социализма в мире. Именно эта проблема должна быть уяснена ими совершенно точно – никаких иллюзий, только трезвый анализ данностей, и ничто другое. Борман даже решил привести слова лауреата Нобелевской премии Карла фон Осецкого, погубленного в концлагере после прихода Гитлера к власти. «Я скажу моим мальчикам, – думал он, – что врага надо знать как «отче наш», ибо никто так не понимает тебя, как открытый, бескомпромиссный враг, не стремящийся к власти и славе (что, впрочем, одно и то же)». Именно Осецкий накануне того дня, когда старый фельдмаршал рейхспрезидент Гинденбург принял фюрера и поручил ему создание правительства «национального единства», сформулировал суть происходившего следующим образом: «Камарилья появляется лишь тогда, когда аграрии ощущают ухудшение сво-

его положения, когда крестьяне начинают искать правду и находят ее в том, что их обируют единокровные юнкеры, а отнюдь не русские марксисты, американские буржуи или безродный еврейский капитал, а крупная промышленность ощущает новую конъюнктуру, которую можно выиграть лишь в том случае, если рабочие будут принуждены твердой рукою к труду, а не к бесконечным дискуссиям и стачкам».

«Ничего, – думал Борман, – я произнесу слова этого паршивца Осецкого о «камарилье», пусть они услышат это из моих уст, им предстоит жить среди врагов, надо учиться не реагировать на обидные политические метафоры. Единство крови, жажда авторитета, слепота масс, его величество случай – на этих китах мы восстанем. А потом я дам им связи с Мюллером, если тот *докажет* себя окончательно...»

...Менгеле, встретивший Бормана у ворот, сказал:

– У вас сегодня по-настоящему хорошее настроение, рейхсляйтер!

– Именно так, – ответил Борман и потрепал Менгеле по щеке.

Бедные, бедные женщины... – I

– Ах, да при чем здесь руны, былины и мифы? – рассмеялась Дагмар Фрайтаг своим низким басом. – Пейте водку и забудьте вы эту муру!

Она устроилась на стуле, подломив под себя ноги; сидела по-японски, *чудом*, несмотря на то что действительно была высокой, как и представлялось Штирлицу, только еще более красивой.

– То есть? – спросил Штирлиц с какой-то неведомой для него радостью.

– Все очень просто, – ответила Дагмар. – Девушке из хорошей семьи надо иметь профессию: эмансипация и все такое прочее. Я мечтала быть офицером генерального штаба, мне очень нравится планировать битвы, я играла не в кукол, а в оловянных солдатиков, у меня и сейчас хранится лучшая в Европе коллекция, есть даже красноармейцы, потом покажу. Хотите?

– Хочу.

– Вот... А папа с мамой приготовили мне будущее филолога. А что это за наука? Это не наука, это – прикладное, это как оформление ресторана мастером со вкусом, который знает, как использовать мореное дерево, где будут хорошо смотреться рыбачьи сети и каким образом придумать в затаенном уголке зала кусочек Испании – гладко беленные стены, детали старинных экипажей и много темной листовой меди.

– Ну-ну, – улыбнулся Штирлиц. – Только ваша узкая специальность – то есть взаимосвязанность скандинавской и германской литератур – вполне генштабовская профессия. Можете доказать единство корня слов и одинаковость их смысла? Можете! А отсюда недалеко до провозглашения обязательности присоединения Швеции к рейху, нет?

– Бог мой, я это уже доказала давным-давно, но ведь до сих пор не присоединили! Да и потом я высчитала, что множество русских былин тоже рождены нами, поскольку княжеско-дружинный слой общества у русских был в первую пору нашим, скандинаво-германским, они-то, предки, и занесли туда эпическое творчество, а когда славяне дали нам коленом под зад – привезли сюда, на Запад, их былины...

– Это – по науке? Или снова ваш оловянный генеральный штаб, чтоб легче обосновать присоединение к нам России?

– И так и этак, но обосновывать присоединение Германии к России будет генеральный штаб красных, – засмеялась своим странным, внезапным смехом женщина, – а уж никак не наш.

– Налейте мне еще, а?

– Бутерброд хотите? У меня сыр есть.

– Черт его знает... Все-таки, наверное, хочу...

Дагмар легко и грациозно, как-то совершенно неожиданно поднялась со стула; юбка у нее была коротенькая, спортивная, и Штирлиц увидел, какие красивые ноги у женщины. Он вывел странную, в высшей мере досадную закономерность: красивое лицо обязательно соединялось с плохой фигурой; нежные руки были почему-то у женщин с тонкими ногами-спичками; пышные красивые волосы – и вдруг толстая, бесформенная шея.

«А здесь все в порядке, – подумал Штирлиц. – Природа наделила ее всем по законам доброты, а не обычной жестокой логики: «каждому – понемногу».

И бутерброд Дагмар сделала вкусный, маргарина намазала не бритвенный слой, а видный, *жирный*; сыр хоть и был наструган тоненькими, чуть ли не прозрачными дольками, но был положен *горкой*.

– Пейте и ешьте, – сказала она, снова легко и грациозно устроившись на стуле. – Я очень люблю смотреть, как едят мужчины, не так страшно жить.

– Вы мне расскажите про скандинавско-русские былины, – попросил Штирлиц.

– Вы зовете женщину в постель только после интеллектуального собеседования? С вами я готова лечь сразу.

– Правда?

– Будто сами не знаете... В мужчин вашего типа женщины влюбляются немедленно.

– Почему?

– В вас есть надежность.

– Это – все, что надо?

– Можете предложить большее? Тогда купите мне ошейник, я стану вашей собакой.

– Любите собак?

– Вопрос итальянца. – Дагмар пожала плечами. – Или испанца... Но никак не немца. Разве есть хоть один немец, который не любит собак?

– Я вам дам новый псевдоним – «бритва». Согласны?

– Да хоть какой угодно.

– Итак, о былинах...

– У вас есть сигареты?

– Конечно.

– Я хочу закурить.

– Но вообще-то вы не курите?

– Я бросила. В гимназии курила, еще как курила. И пила водку. И все остальное...

– Молодец. Трудно в учении – легко в бою.

– Так говорил русский генерал Суворов.

– Совершенно верно. Только он был фельдмаршалом, если мне не изменяет память.

– Изменяет. Он был генералиссимусом.

– Слушайте, а мне просто-напросто приятно быть у вас в гостях.

– Так вы же не в гостях... Вы, как я понимаю, по делу...

– Черт с ним, с этим делом... Все равно вы его прекрасно проведете, я теперь в этом не сомневаюсь... С кем из моих коллег вы раньше были на связи?

– По-моему, об этом нельзя говорить никому? Меня предупреждал мой куратор...

– Мне – можно.

– Можно так можно, – улыбнулась Дагмар. – Он представился мне как Эгон Лоренс.

– Он действительно Эгон Лоренс. Как он вам показался?

– Славный человек, старался помочь мужу... Или делал вид, что старался... Во всяком случае, его отличал такт...

– Почему вы говорите о нем в прошедшем времени?

– Он в госпитале. Попал под бомбежку, контузило.

– Расскажите все-таки про скандинаво-германо-русский эпос, это дьявольски интересно.

И давайте еще раз выпьем.

– Любите пьяных женщин?

– Черт его знает... Не чувствуешь себя скованным... Это как на корте играть с партнером одного с тобою класса.

– Почему вас заинтересовали эпосы? – Дагмар пожала острыми плечами.

– Потому что вы мне приятны. А человек познается по-настоящему, когда он говорит о своем деле.

– Это вы про мужчин. Женщина познается, когда она любит, кормит дитя, делает мужчине обед и смотрит, как он тревожно спит... Нет, я не психопатка, правда... Что вы на меня так смотрите?

– Я смотрю на вас хорошо.

– Поэтому и спрашиваю.

– Рассказывайте...

- Вы говорите по-русски?
- Читаю. Со словарем.
- Знакомы с финским эпосом? Или с эстонским? С карельским? Очень красивое название «Калевипоэг». Знаете?
- Нет, не знаю... Слыхал краем уха... У нас есть перевод?
- Мы не умеем переводить. Мастерски переводят только русские.
- Отчего это им такая привилегия?
- Стык Европы и Азии... Смещение языков, караваны в Персию, Индию, Китай, хазары, скифы, Византия, великолепное варево...
- Итак, «Калевипоэг»...
- А у русских есть былина о богатыре Колыване. Я проводила аналитическое сравнение, все очень близко. А еще ближе к нам их прекрасная былина об Илье Муромце.

Произношение у женщины было абсолютным, русское имя она называла без акцента. Штирлиц заставил себя не отрывать глаз от своей сигареты, которую он аккуратно разминал пальцами, чтобы не взглянуть на ее лицо еще раз, наново.

– Вообще былины – это любопытная штука, – вздохнула Дагмар. – Они подталкивают к выводу, что в жизни во все времена обязательно надо выжить, и не просто выжить, а победить, пробиться вверх, к славе, – только тогда не страшна смерть, ибо лишь тогда твое имя сохранится для потомства. Чем ты поднялся выше, тем надежнее гарантия неисчезновения... Нет, правда! Почему вы улыбаетесь?

- Потому что мне приятно слушать вас.
- Пейте.
- Выхлещу всю вашу водку.
- Я покупаю ее на боны в шведском посольстве, там очень дешево.
- Дальше.
- А что – «дальше»? У русских был князь Владимир, он крестил свой народ, стал святым, получил прозвище Красное Солнышко. Чем князь был знаменитее, тем больше его надо было славить, тем красивее о нем слагали былины, в лучах его известности оказывались близкие – был у него дядя, Добрыня, друг и соратник Муромца... Когда сложат эпос об этой войне, вы окажетесь в фокусе славы рейхсфюрера... Замечательно, да?

– Совершенно замечательно... Только где логика? Князь Владимир, дядя Добрыня и богатырь Муромец?

– Все-таки я женщина... Мы – чувство, вы, мужчины, – логика... Так вот, есть русская былина про то, как Муромец сражался со своим сыном Бориской... Хотя иногда его называли Збутом, порою Сокольников, а в поздние времена – Жидовином... Илья, сражаясь с сыном, узнает, что этот самый Жидовин приходится ему сыном, отпустил его, а тот решил известить отца, когда богатырь уснул... Не вышло. Муромца спас его волшебный крест. Сила в старце седьмого возраста была невероятной...

- Что значит «старец седьмого возраста»?
- По старым славянским исчислениям это возраст мудрости, с сорока до пятидесяти пяти лет... А теперь сравните Муромца с нижегерманской сказкой о Гильдебранде и его сыне Алебранде, когда они сошлись на битву возле Берна. Похоже? Очень. Отец тоже сражался с сыном, но помирился с ним в тот миг, когда старик занес нож, чтобы поразить свое дитя... Молодой богатырь успел сказать старцу то, что знал от матери... А она рассказала сыну, кто его отец... Слезы, радость, взаимное прощение... А кельтская сага об ирском богатыре Кизаморе и его сыне Картоне? Она еще ближе к русскому варианту, путь-то пролегал из варяг в греки, а не из немцев к персам. В битве отец, как и Муромец, убивает сына, но, узнав, кого он убил, плачет над телом три дня, а потом умирает сам... Видите, как мы все близки друг другу?

Штирлиц пожал плечами:

– Что ж, пора объединяться...

– Знаете, отчего я хочу, чтобы вы остались у меня?

– Догадываюсь.

– Скажите.

– Вам страшно. Наверно, поэтому вы и хотите, чтобы я был сегодня рядом.

– И это тоже... Но по-настоящему дело в другом... Не только мужчины живут мечтами о придуманных ими прекрасных женщинах, которые все понимают, хороши в беседе, а не только в кровати. Настоящий друг нужен всем... Мы, женщины, придумщицы более изощренные, чем вы... Знаете, если б мы умели писать, как мужчины, мы б таких книг насочиняли... И, между прочим, это были б прекрасные книги... Вот мне и кажется, что я вас очень давно сочинила, а вы взяли и пришли...

Он проснулся оттого, что чувствовал на себе взгляд, тяжелый и неотрывный.

Дагмар сидела на краешке кровати и смотрела в его лицо.

– Вы разговариваете во сне, – шепнула она. – И это очень плохо...

– Я жаловался на жизнь?

Она вздохнула, осторожно погладила его лоб, спросила:

– Закурить вам сигарету?

– Я же немец, – ответил он. – Я не имею права курить, не сделав глоток кофе.

– Кофе давно готов...

– Дагмар, что вам говорил о нашей предстоящей работе Шелленберг?

По тому, как она удивленно на него посмотрела, он понял, что Шелленберг с ней не встречался.

– Кто вам сказал, что я должен был увидаться с вами? – помог он ей.

– Тот человек не представился...

– Он лысый, с сединой, левая часть лица порою дергается?

– Да, – ответила женщина. – Хотя, по-моему, я этого тоже не должна была говорить вам.

– Ни в коем случае. Пошли пить кофе. А потом поработаем, нет?

– В Швеции у меня была няня... Русская... Она мне рассказывала, что у них во время обряда крещения священник закатывал волос младенца в воск и бросал в серебряную купель. Если катышек не тонул, значит младенцу уготована долгая и счастливая жизнь... Ваша мама вам наверняка говорила, что ваш шарик не утонул, да?

– Я никогда не видел мамы, Дагмар.

– Бедненький... Как это, наверное, ужасно жить без мамы... А папа? Вы хорошо его помните?

– Да.

– Он женился второй раз?

– Нет.

– А кто же вам готовил обед?

– Папа прекрасно с этим справлялся. А потом и я научился. А после я разбогател и стал держать служанку.

– Молодую?

– Да.

– Ее звали Александрин? Саша?

– Нет. Так звали ту женщину, к которой я привязан.

– Вы говорили о ней сегодня ночью...

– Видимо, не только сегодня...

– Я на вас гадала... Поэтому, пожалуйста, не встречайтесь сегодня до вечера с человеком, у которого пронзительные маленькие глаза и черные волосы... Это король пик, и у него на вас зло.

Женщина ушла на кухню – аккуратную, отделанную деревом, – а Штирлиц, поднявшись, поглядел в окно, на пустую мертвую улицу и подумал: «Я – объект игры, это – точно. И я не могу понять, как она окончится. Я принял условия, предложенные мне Мюллером и Шелленбергом, и, видимо, я поступил правильно. Но я слишком для них мал, чтобы сейчас, в такие дни, они играли одного меня. Они очень умны, их комбинации отличает дальнобойность, а я не могу уразуметь, куда они намерены бить, из каких орудий и по кому именно. Мог ли я быть ими расшифрован? Не знаю. Но думаю, если бы они до конца высчитали меня, то не стали бы затевать долговременную операцию – бьет двенадцатый час, им отпущены минуты. Когда я пошел напролом с Шелленбергом, я верно ощутил единственно допустимую в тот миг манеру поведения. А если и это мое решение Шелленберг предусмотрел заранее? Но самое непонятное сокрыто в том, отчего имя Дагмар назвал Шелленберг, а предупреждал ее обо мне Мюллер? Вот в чем вопрос!..»

Необходимость, как правило, жестока

У Эйхмана действительно были пронзительные маленькие, запавшие глаза и иссиня-черные волосы на висках – вылитый король пик. К далеким взрывам – бомбили заводы в районе Веддинга – он прислушивался, чуть втягивая голову, словно бы кланялся невидимому, но очень важному собеседнику.

– Я ждал вас с самого утра, Штирлиц, – сказал он, – рад вас видеть, садитесь, пожалуйста.

– Спасибо. Кто вам сказал, что я должен быть у вас утром?

– Шелленберг.

– Странно, я никому не говорил, что намерен прийти к вам первому.

Эйхман вздохнул:

– А интуиция?

– Верите?

– Только потому и жив до сих пор... Я подобрал вам пару кандидатов, Штирлиц...

– Только пару?

– Остальные улетучились. – Эйхман рассмеялся. – Ушли с крематорским дымом в небо; слава богу, остались хоть эти.

Он передал Штирлицу две папки, включил плитку, достал из шкафа кофе, поинтересовался, пьет ли Штирлиц с сахаром или предпочитает горький, удивленно пожал плечами: «Сахарин бьет по почкам, напрасно». Приготовил две чашечки и, закулив, посоветовал:

– Я не знаю, для какой цели вам потребны эти выродки, но рекомендовал бы особенно приглядеться к Вальтеру Рубенау – пройдоха, каких не видел свет.

– А отчего не Герман Мергель?

– Этот – с заумью.

– То есть?

– Слишком неожидан, труднопредсказуем... Он технолог, изобрел с братом какое-то мудреное приспособление для очистки авиационного бензина, а был конкурс, и как-то все проглядели, что они полукровки, и их допустили к участию. Их проект оказался самым лучшим, мировое открытие, но рейхсмаршал насторожился по поводу их внешности – в личном деле были фотографии – и высказал опасение, не евреи ли они. А фюрер сказал, что такое блестящее изобретение могли сделать только арийцы. Евреи не способны столь дерзостно думать. Герман – младший брат, он в их тандеме занимался коммивояжированием, очень шустр, лишь поэтому я вам его и назвал, о других качествах не осведомлен... Желтую звезду, понятно, не носит, ему выписали венесуэльский паспорт, так что особой работы от него не ждите, он из *нераздавленных*... Изобрели еще что-то, совершенно новое, но, думаю, придерживают, мерзавцы, ждут...

– Чего?

Эйхман разлил кофе по чашечкам и ответил:

– Нашей окончательной победы над врагами, Штирлиц, чего же еще?

– Шелленберг не проинформировал вас, зачем мне нужны эти люди?

– Он говорил об одном человеке...

– Но он объяснил вам, зачем мне нужен такого рода человек?

– Нет.

– И вы рекомендуете мне Вальтера Рубенау?

– Да.

– Полагаете, ему можно верить?

– Еврею нельзя верить никогда, ни в чем и нигде, Штирлиц. Но его можно использовать. Не отправь рейхсфюрер в концлагеря всю мою агентуру, я бы показал, на что способен.

– Да мы и так наслышаны о ваших делах, – усмехнулся Штирлиц, подумав: «Ну, сволочь, и выродок же ты, мерзкий, черный расист, лишивший Германию таких прекрасных умов, как Альберт Эйнштейн и Оскар Кокошка, Анна Зегерс и Сигизмунд Фрейд, Энрико Ферми и Бертольд Брехт; грязный антисемит, инквизитор, а в общем-то – серый, малообразованный выродок, приведенный всеми этими гитлерами и гимmlерами к власти; как же страшно и душно мне сидеть с тобой рядом!..»

– Что вы имеете в виду? – насторожился Эйхман.

– Я имею в виду вашу работу. Ведь концлагеря с печками – ваше дело, как не восторгаться механикой такого предприятия...

– Чувствую аллюзию...

– Вы же не в аппарате рейхсминистерства пропаганды, Эйхман, это они аллюзии ищут, вам надо смотреть в глаза фактам. Как и мне, чтобы не напортачить в деле, а уж аллюзии – бог с ними, право, не так они страшны, как кажутся.

До своего первого ареста Вальтер Рубенау был адвокатом. Когда указом рейхсляйтера Гесса всем врачам, ювелирам, адвокатам, а также фармацевтам, кондитерам, сестрам милосердия, булочникам, массажистам, колбасникам, режиссерам, журналистам и актерам еврейской национальности было запрещено заниматься своей работой под страхом ареста или даже смертной казни, Рубенау решил изловчиться и начал нелегальную правозаступную практику.

Через семь дней он был схвачен и брошен в тюрьму; имперский народный суд приговорил его к десяти годам концентрационных лагерей.

В сорок первом, в Дахау, он оказался в одном бараке с группой коммунистов и социал-демократов, руководителей подпольных организаций Берлина и Кельна. Он тогда *доходил*, и Вольдемар Гиршфельд спас его от голодной смерти, делясь своим пайком. В отличие от шестиконечной звезды, пришитой на лагерный бушлат Рубенау, Гиршфельд носил на спине и груди *красную* мишень, знак коммуниста. Шестиконечную звезду с него сорвал унтершарфюрер Боде, сказав при этом:

– Хоть по крови ты паршивый еврей, Гиршфельд, но, как коммунист, ты вообще не имеешь права на национальность. Мы будем целить в красную мишень, она больше размером, чем желтая.

Его застрелили «при попытке к бегству» во время работ по осушению болота. Он и ходил-то с трудом, бегать не мог, ноги распухли, особенно в голених, страшно выперли ребра, и плечи сделались птичьими, словно у ребенка, занимающегося в гимнастическом кружке.

Шефство над Рубенау взял Абрам Шор, член подпольного бюро кельнского областного комитета социал-демократической партии. Он, как и покойный Гиршфельд, понимал, что человек, подобный Рубенау, лишенный твердой социальной идеи, попавший в лагерь случайно, сломается, сдастся, если его не поддерживать, не влиять на него. Поэтому через коммуниста Грубера, работавшего в канцелярии, *товарищи* смогли перевести Рубенау с самых тяжелых работ на более легкие – по обслуживанию больничного барака.

С Шора тоже была сорвана шестиконечная звезда; как и большинство политических «хефтлиггов», он был обречен на пулю, однако гестапо получило сведения, что его жена, коммунистка Фаина Шор, смогла уйти в Чехословакию, начала работу в пражской «Красной помощи заключенным гитлеровских концлагерей», установила контакты с Международным Красным Крестом в Женеве, дважды ездила в Москву, в МОПР, посетила Стокгольм, встретилась с Брехтом, Пабло Пикассо, Элюаром и Арагоном, заручилась их согласием на помощь и поддержку ее работы, дала несколько разоблачительных интервью в британской и французской прессе. Гестапо поручило своему человеку в Дахау проанализировать возможность использования Шора для возвращения его жены в рейх.

Особый представитель четвертого управления РСХА при коменданте штурмбаннфюрер Ликсдорф полистал личное дело Шора, понял, что человек этот из породы марксистских фанатиков, играть с ним бесполезно; *подвел* к нему провокатора Клауса; тот, хоть и виртуозно работал, *разломать* узника не смог; когда речь заходила о жене, он немедленно замыкался.

Ликсдорф послал телеграмму на Принц-Альбрехтштрассе, в Берлин, в штаб-квартиру РСХА, с просьбой разрешить ему привлечь к работе Рубенау. Если бы Рубенау был на восьмую часть евреем, а еще лучше на шестнадцатую, и не по материнской линии, а по отцовской, ибо по-настоящему, как доказал Альфред Розенберг, национальность определяет мать, но никак не отец, тогда Ликсдорф мог привлечь его к агентурной работе на свой страх и риск, но если дело касалось четвертькровки или, более того, полукровки, тогда – по указанию Гейдриха – об этом нужно было доложить высшему руководству, вплоть до рейхсфюрера. Как правило, Гиммлер запрещал привлечение таких к работе. Только один раз ему пришлось уступить Канарису, когда абвер наладил в Испании контакт с одним из членов финансового клана Марча. Сам старик Марч дал Франко огромные деньги на приобретение новейшего оружия, поставив единственное условие: после победы фалангистов великий каудильо испанской нации не разрешит погромы.

...Ликсдорф полагал, что штаб-квартира СС ответит ему отказом; так бы, впрочем, и случилось, не знай Шелленберг – тогда еще только начинавший свою карьеру *под* Гейдрихом, могучим шефом главного управления имперской безопасности, – что Фаина Шор делается по-настоящему опасной для рейха из-за того, что ее связи с Москвой, Парижем, Стокгольмом и Берном день ото дня наносят все больший ущерб рейху. Он сумел доказать Гейдриху важность операции, которая позволила бы заманить Фаину Шор в рейх, отдать ее под суд и казнить, чтобы другим коммунистическим эмигрантам было неповадно мутить воду – уехали, ну и сидите себе тихо, как мыши!

Именно поэтому Вальтер Рубенау и был занесен в особую картотеку лиц неарийского происхождения, допущенных к работе на чинов СС, представлявших интересы РСХА в концентрационных лагерях рейха.

Ликсдорф сначала провел арест жены Рубенау, немки Евы Шульц, и двух его детей – Евы и Пауля, десяти и семи лет от роду; узников доставили в мюнхенскую тюрьму; туда же привезли Рубенау.

Ликсдорф вызвал его в следственную камеру и сказал:

– Подойди к окну и погляди в зону для прогулок.

Тот увидел двор, разделенный на каменные мешки-секторы, обнесенные к тому же колючей проволокой, в одном из секторов гуляли его дети, одетые в огромные, не по росту бушлаты, в другом – жена.

Рубенау почувствовал звонкое, гудящее головокружение и упал.

Когда фельдшер привел его в чувство, Ликсдорф сказал:

– Хочешь, чтобы они были освобождены?

Рубенау заплакал.

– Ну? Я не слышу ответа, мразь! – крикнул Ликсдорф.

Рубенау кивнул.

– Ты готов во имя этого на все?

Рубенау молчал, продолжая, беззвучно сотрясаясь, плакать.

Ликсдорф подошел к нему, оперся на плечо, заглянул в глаза, нагнул и еще тише сказал:

– Я не слышу ответа. Ты должен сказать «да», и тогда мы продолжим разговор. Если же ты смолчишь, то судьба твоих детишек будет решена сейчас же, на твоих глазах.

Страшная машина гестапо работала по простому принципу: даже на краю гибели человек надеется на благополучный исход. Гейдрих как-то заметил приближенным: «Я советую каж-

дому из вас зайти в те отделения наших клиник, где лежат раковые больные. Понаблюдайте любопытный процесс «отталкивания», когда больной не хочет, а скорее, уже не может объективно оценивать свое состояние... Арестованный нами преступник – тот же раковый больной. Чем больше вы ему сделаете, чем скорее вы сломите его, тем податливее он станет; он будет жить иллюзией освобождения, только умело намекните ему об этом».

– Я готов на все, – прошептал тогда Рубенау, – но сначала вы отпустите несчастных детей и жену.

– Я отпущу их в тот день и час, когда ты выполнишь то, что я тебе поручу.

– Я выполню все, я умею все, но вы обманете меня, поэтому я стану делать, что вам надо, только после того, как они будут освобождены. А если нет – что ж, убейте меня.

– Зачем же тебя убивать? – удивился Ликсдорф. – Мы их при тебе забьем до смерти, ты же знаешь, мы слов на ветер не бросаем.

И Рубенау согласился. Он получил у Шора письмо к жене, сказав, что передаст во время свидания с семьей. Тот не мог еще знать, что Рубенау уже работает на гестапо.

С Фаиной начали игру после того, как Рубенау был взят из Дахау, помещен в госпиталь, подготовлен к *работе* и затем переправлен в Прагу. Фаина Шор установила через него «контакт» с мужем. Контакт, как сказал ей Рубенау, шел по надежной цепи. Женщина согласилась на встречу с так называемыми представителями «подполья», которые занимались побегими политзаключенных. Встречу назначили на границе. Два спутника Фаины Шор были убиты, она сама схвачена, привезена в Берлин и гильотинирована вместе с мужем.

Участники этой комбинации были отмечены благодарностями рейхсфюрера СС, однако в суматохе Ликсдорфа забыли; он неосторожно написал письмо Гейдриху: «Работа с полукровками не только возможна – судя по результату поездки Рубенау в Прагу, – но и необходима, мой опыт следует внедрить в другие лагеря». Гейдрих был в ярости: «Этот идиот разложен большевизмом! Он хочет частный случай возвести в принцип! Он открыто замахивается на основной постулат, гласящий, что национальность – суть главное, что определяет человека! Нет, работа с полукровками невозможна, а он, Ликсдорф, отравлен тлетворным ядом русского классового сознания, которое было, есть и будет главным врагом нашего учения, базирующегося на примате национальной идеи!»

Ликсдорф был изгнан из рядов СС; после двух месяцев тяжких объяснений его кое-как пристроили в пожарную охрану Бремена. Он запил. Во время приступа белой горячки повесился в туалете пивной, находившейся по соседству с командой, прикрепив на груди листок с буквами, написанными кровью, которую он предварительно пустил из вены: «Я – жертва проклятых евреев во главе с Гитлером! Отплатите ему за жизнь погубленного арийца!»

Шелленберг за Рубенау следил. Жену и детей распорядился на время освободить из тюрьмы, разрешив им проживание в гетто; раз в месяц Рубенау вызывали на «допрос» и выводили в город, где он, из окна машины, мог видеть семью.

За это он еще два раза принимал участие в операциях гестапо против своих единокровных братьев. Последний раз Эйхман брал его с собой в Будапешт, где вел переговоры с раввинами, которые имели контакты с Западом. Те обещали передать вермахту и СС за каждого освобожденного из концлагеря раввина по грузовику с двадцатью канистрами бензина в придачу. Эти машины Эйхман гнал в распоряжение рейхслайтера Альфреда Розенберга, который перевозил из Германии в горы возле Линца, в шахту Аусзее, сокровища культуры, вывезенные из музеев России, Польши и Франции.

Эйхману было поручено отдать Рубенау в распоряжение Штирлица...

– Здравствуйте, Рубенау, – сказал Штирлиц, предложив собеседнику сесть на табурет, укрепленный посередине камеры. Он понимал, что его беседа будет записана от первого до последнего слова, за себя он не тревожился, ему надо было понять того, кто сидел напротив

него, а поняв, либо *обнажить* его позитивные качества для тех, кто будет прослушивать разговор, либо, наоборот, отвергнуть этого сломанного человека, ставшего агентом у тех, кто люто его ненавидел и презирал. – Моя фамилия Бользен, и я отношусь к числу немногих, кто намерен помочь вам по-настоящему. Однако сначала вы должны ответить – причем в ваших же интересах совершенно откровенно – на ряд моих вопросов. Вы готовы к этому?

– Неважно, готов я или нет, меня к этому приучили, моя семья – ваши заложники, поэтому я могу отвечать только откровенно, и никак иначе.

– Допустим. Итак, первое: кого вы ненавидите больше нас, больше моей организации, больше национал-социалистской рабочей партии Германии?

Лицо Рубенау странно дрогнуло, брови полезли на лоб, сделав его маленьким и морщинистым, как печеное яблоко, руки беспокойно задвигались на взбухших коленках.

– Вы очень странно поставили вопрос, господин Бользен...

– Рубенау, вы меня, видимо, плохо слышали. Я задал вам вполне однозначный вопрос, извольте отвечать мне так же однозначно...

– Больше всего я ненавижу тех безответственных демагогов, которые привели Германию к кризису...

– К нынешнему?

– Что вы, что вы! Я имею в виду, конечно, кризис тридцатого года!

– К кризису тридцатого года – судя по нашим газетным публикациям – Германию привели большевики, Интернационал, евреи и американский финансовый капитал. Могу я расценить ваш ответ таким образом?

– Да, именно таким образом я и хотел ответить.

– Нет, ваш ответ я вправе толковать совершенно иначе: не будь в Германии левых и евреев или, наоборот, будь они умнее, сплоченнее и сильнее, мы бы не пришли к власти и вам не пришлось пережить столько, сколько вы пережили...

– О нет, господин Бользен, вы слишком своевольно трак...

– Вы лжете мне! Вы ненавидите нас так, как обязан ненавидеть своего мучителя несчастный мучимый. Если вы возразите мне, я прекращу собеседование, верну вас в камеру и судьбой вашей семьи придется заниматься кому-то другому, но никак не мне. Ну?

– В первые годы моего заточения действительно меня порою посещала ненависть к тем, кто не захотел объективно разо...

– Послушайте, Рубенау, я сейчас стану вам говорить то, что вы думаете, а вы лишь кивайте мне, если согласны, или же, в случае несогласия, мотайте мне головой слева направо... Впрочем, если вам удобнее, можете мотать справа налево... Итак, думаете вы сейчас следующее: «Ты, нацистский ублюдок и садист, недолго тебе осталось мучить меня и мою семью, будьте вы прокляты, вся ваша банда! Будь проклят тот день, когда вы сломали меня на детях и жене, заточенных вами в тюрьму, вы же звери, вы готовы на все во имя вашей бредовой идеи! Но ничего, собаки, ничего, отольются вам мои слезы, не думайте, что я ничего не сказал людям в Праге и Роттердаме, куда вы отправляли меня! Я предупредил о вашем плане Фаину Шор, поэтому-то она и пришла на свидание в сопровождении двух своих вооруженных друзей, только ваших головорезов было больше, и они были обучены, как надо хватать в лесу на границе этих наивных подпольщиков... Ничего, собаки, ничего, в Роттердаме я тоже предупредил моих собеседников об опасности, я делал это аккуратно, я умнее вас, я знал, что ваше кошмарное правление так или иначе кончится крахом, я думал впрок, а вы – ослепленные своим расовым идиотизмом – не хотели думать даже на год вперед... И когда меня выводил с собою Эйхман в Будапешт, я успел шепнуть пару слов раввину, тот все понял, меня простят, а вот никому из вас прощения не будет!»

Рубенау смотрел на Штирлица с ужасом, капельки пота выступили на лбу и на пергаментных висках, пальцы сжались в бессильные кулаки, костяшки были синие, *голодные*...

- Так справа налево? – подтолкнул его вопросом Штирлиц. – Или – слева направо?
- За что вы снова начинаете меня мучить? Ну за что?!

– Мучили Фаину Шор. Ее насиловали на глазах Абрама Шора, ее мужа, который кормил вас, делясь своим брюквенным супом. Ее мучили, вводя на ее глазах иглы под ногти Абраму. Но ни он, ни она не назвали вашего имени... Впрочем, это лирика, не имеющая отношения к моей работе и к вашему будущему. Когда я только что прочитал ваши тайные мысли про то, что вас могут понять и, в конечном счете, как жертву, простить, я подводил к тому, что простить нас должны двоих. И еще некоторых моих друзей, если мы сможем сделать так, чтобы евреи, сидящие в концлагерях, не были уничтожены фанатиками. Более того, им позволят выехать в Швейцарию... Это организую, скажем, я. Или мой друг. Но контакт с людьми в Швейцарии, с вашими финансовыми тузами, обеспечите вы. Как умопостроение? Неплохо, нет?

- А семья? Что будет с моими детьми?

Штирлиц достал из ящика стола паспорт для выезда из рейха, бросил его перед собою на стол:

- Встаньте и пролистайте...

Рубенау опасливо приблизился, ищуще посмотрел на каменное лицо Штирлица, пролистал паспорт, увидел фотографию жены и двух своих детей, внимательно поглядел, есть ли швейцарская виза, убедился, что виза открыта, заплакал и сказал:

- Но в документе нет вашего разрешения на выезд.

– Неужели вы думаете, что мы отпустим их в Швейцарию до тех пор, пока я с вами не вернусь оттуда благополучно?

– Я сделаю то, о чем вы говорите, я это сделаю легко, мы вернемся, и я снова окажусь в камере, а семья в мюнхенской тюрьме!

– Нет, не окажетесь, поскольку нам предстоит принимать уважаемых господ из Швейцарии здесь, в рейхе, в отеле, и возить их по лагерям, организовывая транспорты для освобожденных, благодаря нашему с вами благородному риску. С первыми посланцами – после того как они кончат переговоры с нами – мы отправим и вашу жену...

- Нет, – резко оборвал Рубенау. – Не ее. Детей...

– Повторяю, с теми посланцами из Швейцарии, которые станут увозить освобожденных, мы отправим вашу жену. Со следующей колонной выедет ваш первый ребенок...

– Вы говорите неправду! В паспорте жены записаны оба ребенка! Как же мы сможем отправить туда Еву? Или Пауля?! У мальчика абсолютный слух, он в семь лет написал концерт, пощадите его, он же будет служить славе Германии... А вы хотите и его, и Евочку... Зачем вы лжете, говоря, что отправите их, если...

Штирлиц откинулся на спинку жесткого деревянного стула:

– Верно мыслите, Рубенау... Молодцом... Это я недодумал... Точнее говоря, недодумали те, кто готовил техническую часть операции... Завтра днем я покажу вам новый паспорт фрау Рубенау-Шульц, на нее одну... И два документа на детей – для каждого свой...

– Хорошо, а когда же уедет второй ребенок? Пусть первым уедет Пауль: если уж суждено выжить, пусть выживет он... Когда это может произойти?

Штирлиц ответил вопросом:

- Вам газет читать не дают? И радио вы, конечно же, не слушаете?

- Нет.

– Я скажу, чтобы вам дали газеты и позволили послушать сводки с фронтов. А пока что напишите на этом листе такого рода текст: «Я, Вальтер Рубенау, согласен с предложением старшего офицера разведки Штирлица принять участие в освобождении ряда узников из концлагерей. Обязуюсь помогать Штирлицу и его руководителям во всех фазах предстоящей гуманной

операции, отдавая себе отчет, что мое предательство будет означать немедленную и безусловную смерть моей семьи и мою. Рубенау». И дата.

...После этого Штирлиц вызвал конвой, отправил Рубенау в камеру, позвонил начальнику тюрьмы, поинтересовался, сможет ли тот приготовить *его* заключенному сытный обед, дать три сигареты и два куска сахара, позвонил Шольцу и велел доложить группенфюреру, что он, Штирлиц, просил бы его принять, если можно – в ближайшее же время.

Информация к размышлению – II (ОСС)

Причина, которая побудила Москву отправить полковника Исаева в Берлин, заключалась и в том еще, что Центру стало известно то, о чем в столицах союзных государств знали всего лишь несколько человек. Причем далеко не все, что было известно руководителям разведок, докладывалось лидерам.

(Черчилль часто вспоминал, как во время своего первого визита в Москву, тревожным летом сорок второго года, когда Сталин вновь завел разговор о судьбе Гесса, о подлинных причинах его полета в Шотландию, о том, что реакция Лондона на это событие была весьма странной, он дал такой ответ маршалу, какой был заранее приготовлен его помощниками, связанными со службой разведки. Русский лидер тогда поморщился:

– Такого рода объяснение не может удовлетворить меня, потому что – я убежден – мои люди из разведки далеко не обо всем докладывают мне и, быть может, правильно делают: по закону их профессии конспирация не есть зло, но, наоборот, необходимость.)

У Москвы были основания для того, чтобы с сугубым интересом относиться к возросшей активности американской секретной службы в Швейцарии не только потому, что возглавлял ее старый враг большевизма и брат человека, открыто заявившего себя противником президента Рузвельта – причем не в дни мира, но тревожной военной осенью сорок четвертого года, накануне сокрушительного немецкого контрнаступления в Арденнах, когда еще немецкие оккупационные части стояли в Голландии и Норвегии, Дании и Италии, Австрии и Венгрии, а Красная Армия вела кровавые бои с агрессором в Венгрии и Румынии, в Польше и Югославии.

Основания относиться с подозрением к активности Даллеса и его коллег давал анализ данных, полученных советской разведкой от тех, кто не на словах, но на деле сражался с фашизмом – на незримом, а потому самом порою опасном фронте.

Два факта – из ряда им подобных – давали Кремлю все основания предполагать худшее, когда речь заходила об ОСС. Эти факты не были напрямую связаны со швейцарской резидентурой Донована, однако их изучение позволяло проецировать возможные акции европейских филиалов ОСС на Германию.

И одним из фактов, вызвавших серьезную озабоченность Москвы, был особо секретный аспект стратегии американской секретной службы на Дальнем Востоке.

...Дело в том, что в ту пору в Китае был свой «Гиммлер» и звали его генерал Тай Ли – кровавый садист, начальник секретной полиции Чан Кайши.

Человек этот был воистину всемогущим; борьба с японской агрессией заботила его мало, он понимал, что главное бремя возьмут на себя экспедиционные войска американского генерала Макартура; прежде всего – как и всякого ренегата – его занимала борьба с теми, кого он предал, с коммунистами, обосновавшимися в Янани, на севере страны.

Похищения коммунистических борцов против японского милитаризма; пытки в застенках, которые кончались тем, что арестованный либо сходил с ума, либо умирал в страшных мучениях; расстрелы инакомыслящих – это была работа Тай Ли, и он умел ее делать *всласть*.

Стратегия разведки знает три подхода к явлению: первый подход – создавать такие силы, на которые затем можно будет опереться в борьбе с противником; второй – искать и находить союзников, истинных подвижников борьбы с нацизмом и японским милитаризмом; третий же подход – а его в основном и исповедовали люди Вильяма Донована – заключался в том, чтобы *подкрадываться* к сильным мира сего и обращать их в своих союзников, неважно, будь это хоть сам сатана.

Именно поэтому Карл Эйфлер, один из шефов ОСС в Индии, занятый тем, чтобы открыть надежный путь из Дели – через Бирму – в Китай, обратился к своему другу, генералу Стивеллу, командовавшему в то время американскими ВВС на Юго-Восточном театре сраже-

ния против милитаристов Японии, с просьбой об оказании ему помощи в налаживании контактов в Чунцине.

Подразделению Эйфлера, конспиративно обозначенному как «часть 101», генерал Стивелл отказал в праве передислоцироваться в Китай, но свел своего друга с давним приятелем и соперником генералом Клэром Шено, уволенным из американской армии в тридцать седьмом году и с тех пор командовавшим эскадрильей американских добровольцев, называвших себя «летающими тиграми». Шено был военным советником генералиссимуса Чан Кайши, связи его в китайской столице были серьезны; он выучился таинству здешней кулинарии, готовил, как и полагается мандаринам, сам: женщины к священнодействию не подпускались; пил крепчайшую, теплую сладкую рисовую водку из маленьких чашечек, расписанных крысиными кистями; именно во время этих ночных пиршеств, оканчивавшихся не ранее пяти утра, и решались ключевые вопросы политики.

Эйфлер познакомился в доме Шено с некоторыми сановниками правительства Чан Кайши, легко коснулся вопроса об организации своих представительств на Филиппинах, в Таиланде и – в будущем – в Корее, так же легко прозондировал возможность контакта с генералом Тай Ли, но, заметив брезгливость на лицах собеседников, от продолжения разговора уклонился; на том и расстались; спешить надо во время соревнований, разведка – особенно в изначалии операции – медлительна, надо осмотреться, а уж затем наступит сладкая пора *прилаживания*.

После этого зондажа Донован отправил в Чунцин своего доверенного агента профессора Эссона Гэйла.

– Вы должны создать в китайской столице подпольный аппарат ОСС, – напутствовал ученого «дикий Билл». – Это не значит, конечно же, что вы обязаны заниматься изматывающей душу бюрократической деятельностью; я жду от вас лишь того, чтобы вы сделали в Чунцине своим человеком, пусть вас перестанут бояться, это – главное.

Гэйл поначалу отлеживался в том особняке, который ему помогли арендовать военные, завистливо интересовавшиеся, кто ему платит такие огромные деньги за дом и службу; по прошествии месяца, когда процесс акклиматизации – в прямом и переносном смысле – закончился, профессор истории нанес ряд *укольных* визитов, результатом которых оказался постоянный контакт с воспитанным в США доктором Кунгом – министром финансов, братом очаровательной и могущественной «мадам генералиссимус».

После того как знакомство перешло в содружество, профессор Гэйл получил от Донована зашифрованную телеграмму, в которой «дикий Билл» рекомендовал сосредоточиться именно на этом контакте, никаких других шагов, вплоть до указаний из Вашингтона, не предпринимать.

Донован не зря рекомендовал Гэйлу постепенность: именно в это время он отправил в Китай своего второго суперагента, в прошлом корреспондента «Юнайтед пресс» в Шанхае, а ныне офицера ОСС Аллана Лусэя. (Отношения Донована с этим человеком были особенно доверительными, ибо, до того как перейти в ОСС, Лусэй работал в «отделе информации» Шервуда, самого близкого президенту человека. Сотрудничая с либералом Шервудом, бывший ас журналистики был тем не менее душою с Донованом.)

Прибыв в Чунцин, Лусэй нацелился на капитана ВМС США Милтона Майлса, который был давно дружен именно с тем человеком, который более всего интересовал Донована, – с генералом Тай Ли. Те два агента ОСС, отправленные в Поднебесную до того, как туда прибыл Лусэй, должны были продемонстрировать шефу китайского гестапо (честные американские разведчики, работавшие в ОСС не для того, чтобы помогать корпорациям налаживать опорные точки в послевоенном мире, но искренне ненавидевшие нацизм и милитаризм, сообщали в центр: «Тай Ли – не Канарис, он – Гиммлер, контакты с ним позорны для американской демократии»), что Вашингтон имеет альтернативу: у него уже есть ключ – через министра финансов – к жене генералиссимуса, из окружения генерала Шено – к высшим сановникам

правительства и штабу ВВС Китая; для Тай Ли, таким образом, настал час сделать выбор: или он начинает работать с ОСС и на ОСС, или Вашингтон продолжит свою активность с теми сановниками, о которых уже знал «китайский Гиммлер».

После того как Майлс свел Лусэя с Тай Ли и они провели за ужином чуть ли не полночи, легко беседуя о жизни, обсуждая вопросы истории (особенно много Тай Ли говорил об ужасе наркомании, о безумстве «опиумной» войны европейцев против его народа; Лусэй, однако, знал, что именно Тай Ли организовал двенадцать секретных баз, где заключенные выращивали опиум для контрабандной торговли; после сбора *урожая* несчастных ликвидировали – секретность прежде всего), из Вашингтона поступил приказ – дальнейшие контакты с «китайским Гиммлером» прервать, «рыба заглотнула крючок, нельзя торопить события, пусть Тай Ли проявит активность».

Вскоре в Чунцин прибыл новый посланец Донована, профессор Мичиганского университета Джозеф Хейден, в прошлом корреспондент «Крисчен сайенс монитор».

Хейдену было предписано не входить в контакт ни с кем из тех, кто уже оказался включенным в орбиты предыдущих посланцев ОСС: «только аккуратный зондаж в самом близком окружении Чан Кайши».

Однако Хейден копнул глубже других: он доказал наличие сильных антианглийских настроений среди тех, кто планировал политику генералиссимуса; самым ярким противником Лондона оказался именно Тай Ли, который, как выяснилось, в сорок первом году был арестован британцами в Гонконге за то именно, что он являл собою тип истинного нациста, его симпатии были явно на стороне Гитлера и он загодя готовил контакты со службой Канариса, чтобы в удобный момент предать союзников. Только вмешательство генералиссимуса помогло «китайскому Гиммлеру»: он был освобожден, но с той поры сделался фанатичным противником Черчилля.

ОСС это устраивало.

Хейден сообщал в своих шифровках Доновану, что «антианглийская карта» может и должна быть разыграна, Тай Ли готов к вербовке, необходима санкция на действие.

Донован, верный своей методе «разделять и властвовать», разрешил полет профессора Хейдена в Австралию, в штаб генерала Макарута; он хотел зафиксировать отношение свирепого генерала, весьма ревниво относившегося к секретной службе, к той идее, которую пытался провести в жизнь его агент. Донован знал заранее, что Макарут откажет Хейдену; этот отказ позволял «дикому Биллу» начать интригу в Вашингтоне; он был готов к ней, он ждал лишь того момента, когда Хейден – если только не умрет от разрыва сердца после приема у Макарута – сообщит ему о провале своей миссии.

Хейден не умер, хотя два дня пролежал в постели – подскочило давление; доктор из штаба делал ему инъекции дважды в день; его обращение к Доновану было выдержано в драматических тонах, что и требовалось для интриги; более всего «дикий Билл» ценил такую *работу*, в которой его агенты *втемную* делали то, что ему было нужно, не догадываясь даже, что события, в которые они оказались вовлеченными, были срепетированы заранее, *проиграны* ближайшими сотрудниками Донована и просчитаны вперед на много ходов.

Донован отправился с этими шифровками к военно-морскому министру Ноксу, посетовал на то, что армия – в лице достойнейшего Макарута – просто-таки третировает разведку, ибо штабистов не интересует Китай, поскольку будущее этой страны обязана гарантировать не армия, но флот и авиация Штатов, и попросил Нокса о помощи.

Тот, не зная, понятно, кто такой Тай Ли, не вникая в сущность *персоналий* (как всякий «истинный американский патриот», он считал, что мир начинается и кончается в Америке, все остальное – окраины Вселенной), отправился в Белый дом и, не упоминая – по просьбе Донована – источник информации, обратился к президенту с просьбой поддержать флот в органи-

зации серьезной разведывательной базы в Китае, против чего весьма легкомысленно возражает армия в лице Макартура.

Президент, не подозревая, что задумал Донован, не мог не поддержать просьбу Нокса: борьба против Японии предстоит долгая и кровавая, без хорошо налаженной разведки победа невозможна.

Через час Донован получил «добро» на действие.

Через два часа об этом знали его агенты в Чунцине. Через две недели в китайской столице было создано «САКО» – «Китайско-американская корпорация».

Генеральным директором был утвержден «чунцинский Гиммлер», маньяк и садист Тай Ли, его заместителем – капитан Милтон Майлс; чтобы угодить адмирала Нокса, капитан Майлс сделался одновременно начальником морской группы «Китай» – в составе этой же разведывательной корпорации.

Итак, впервые в Китае под одной крышей начали работать фашистские костоломы генерала Тай Ли и борцы за демократию из ОСС.

Получив такого рода агента, как Тай Ли, люди Донована сразу же предприняли следующий шаг: офицер ОСС Дэвид Хэллвил, один из шефов текстильной промышленности Нью-Йорка, и офицер ОСС Илья Толстой отправились в столицу Тибета Лхасу, были приняты там далай-ламой и договорились об организации в этом таинственном городе постоянно работающей радиостанции ОСС.

Тай Ли выразил свое недовольство, однако дело было сделано; когда же Донован обратился к нему с просьбой разрешить организацию в китайской столице филиала отдела моральных операций, генерал неожиданно встал на дыбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.